

18+

ЯНА СОМОВА

КАК ЕЙ ПОВЕЗЛО

Яна Сомова

Как ей повезло

«Издательские решения»

Сомова Я.

Как ей повезло / Я. Сомова — «Издательские решения»,

«Я же тебя люблю. Никто никогда не будет беречь тебя так, как я». Костя решает её проблемы, заботится о её детях и хочет её каждый день. Наташа влюблена, подруги завидуют, впереди — свадьба. Она получила всё, о чём боялась мечтать. Только теперь за каждое «нет» приходится расплачиваться. Все знают, как ей повезло. Никто не знает, почему ей страшно. И как уйти от мужчины, которого всё ещё любишь? Содержит сцены психологического, физического и сексуального насилия.

© Сомова Я.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Пять минут тишины	6
Глава 2. Услышать вас	14
Глава 3. Позвони вечером	22
Глава 4. Тридцать восемь и два	31
Глава 5. Четвёртое крыло	39
Глава 6. Дом в лесу	47
Глава 7. У проходной	55
Глава 8. Те, на кого смотрят	63
Глава 9. Три сухих дня	71
Глава 10. Выше синяков	79
Глава 11. Я тоже смотрю	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Как ей повезло

Яна Сомова

© Яна Сомова, 2026

ISBN 978-5-0071-4259-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пять минут тишины

В половине седьмого утра на кухне уже было шумно.

Чайник щёлкнул и выключился, тост выскочил слишком рано, телефон на подоконнике дрожал от сообщений, а Егор стоял посреди комнаты в одном носке и уверял, что второй исчез не без причины.

— Соня, ты не видела мой синий носок?

— Видела. Он решил начать новую жизнь.

— Мам!

Наташа, придерживая бедром нижний ящик, достала контейнеры для обеда. В один положила сырники, во второй — гречку с котлетой. Соня вошла на кухню уже в куртке, с рюкзаком на одном плече и с ресницами, которые за ночь успели стать длиннее раза в два.

— Ты нарядилась?

— Чуть-чуть.

— Соня.

— Мам, мне четырнадцать.

— Именно это меня и пугает. Умой половину.

— Какую?

Егор, нашедший носок под батареей, захохотал. Наташа сунула контейнеры детям, отпила уже остывший кофе и глянула на часы.

— Через три минуты у двери. Кто не успел, идёт пешком и объясняет классному руководителю, почему его мама оказалась бессердечной.

— Мы всё равно идём пешком, — заметила Соня. — У меня школа через двор.

— Тогда ты объяснишь за брата.

Они вышли через пять минут. Соня ушла к калитке, небрежно поцеловав маму в щёку, Егор забрался на заднее сиденье старенькой «Киа» и сразу спросил:

— Папа точно заберёт меня после продлёнки?

— Так договорились.

— А если у него работа?

Наташа закрыла свою дверь, вставила ключ в замок зажигания и повернула. Под капотом коротко простонало и стихло.

— Тогда заберу я.

Она попробовала ещё раз. Приборная панель вспыхнула, стартер сухо защёлкал.

— Она умерла? — оживился Егор.

— Не дождёшься.

Третья попытка ничего не изменила. Наташа положила ладони на руль и на одну секунду закрыла глаза. На экране телефона было 7:31. В восемь пятнадцать ей следовало открыть офис продаж, в девять ожидали первую группу покупателей, которым обещали объяснить новую задержку выдачи ключей, а до школы Егора оставалось четыре километра.

— Вылезай, — сказала она. — Сегодня у нас приключение.

— На автобусе?

— На такси. Только никому не рассказывай, что мама разорилась ради твоего образования.

Свободная машина нашлась через семь минут. Егор всю дорогу следил за маршрутом на экране водителя и сообщал, где тот свернул неправильно. У школьных ворот Наташа поправила сыну шапку, получила быстрый поцелуй в подбородок и заказала второе такси до офиса.

В рабочий чат сыпались сообщения. Охранник писал, что возле входа собрались люди. Администратор Лена просила перезвонить. Начальник отдела продаж не отвечал никому.

Наташа набрала его сама.

— Виктор Станиславович, доброе утро. У нас покупатели по третьему корпусу.

— Разберитесь пока, — отозвался он после долгих гудков. Голос звучал сонно и раздражённо. — Я на встрече.

— Они требуют новый график и представителя застройщика.

— Вот и объясните им, что новый инвестор заходит в проект. Сегодня всё прояснится.

— Во сколько вы будете?

— Наталья, я сказал: разберитесь.

Звонок оборвался.

В стеклянном офисе возле стройки было жарко, тесно и шумно. Десятка два человек заполнили зону ожидания и проход между макетом квартала и столами менеджеров. Кто-то снимал на телефон. Женщина в красном пуховике требовала фамилию человека, который третий месяц переносил приёмку её квартиры. Пожилой мужчина размахивал договором. Лена за стойкой была блее распечатанных планировок.

Наташа сняла пальто, повесила его в тесный шкаф и подошла к людям.

— Меня зовут Наталья Ларионова, я менеджер отдела продаж. Давайте сядем и по очереди сверим ваши корпуса и договоры. Я запишу вопросы, на которые у меня сейчас нет подтверждённых ответов.

— Записывали уже! — выкрикнул кто-то.

— Верно. Сегодня я отдам вам копию списка с моей подписью. Когда появится представитель нового инвестора, он получит такой же.

— А старого где носит?

— Я не знаю.

Женщина в красном пуховике первой опустила телефон. Пожилой мужчина сложил договор пополам и сел на край свободного стула. Остальные ещё говорили, но уже тише: им впервые за утро не пообещали перезвонить после очередного совещания.

Наташа взяла у Лены блокнот, попросила открыть переговорную и начала вызывать людей по фамилиям. Через двадцать минут на столе лежали восемь договоров, три претензии и фотография стены с мокрым пятном. Через сорок у неё заболело горло. Через час мужчина в расстёгнутой дублёнке решил, что очередь придумана специально против него.

— Вы мне сейчас позовёте директора.

— Его нет в офисе.

— Значит, звоните.

— Он не отвечает.

— А вы зачем тогда здесь сидите?

Он шагнул за стол, навалился на край и потянул к себе папку. Наташа накрыла документы ладонью.

— Там персональные данные других покупателей. Уберите руку, пожалуйста.

— Да плевать мне на ваши данные.

Сбоку кто-то толкнул стойку с рекламными буклетами. Тонкая рамка с планом квартала качнулась, соскользнула с крепления и ударилась об угол стола. Стекло треснуло. Наташа успела заслонить лежавшие перед ней договоры, и острый край полоснул по ладони.

Боль пришла через секунду. На коже выступила яркая узкая полоса.

— Вы совсем с ума сошли? — Лена выскочила из-за стойки.

Мужчина в дублёнке поймал Наташу за запястье и развернул ладонь к свету.

— Да там царапина. Мы из-за этого теперь...

— Руку убрали.

Голос прозвучал негромко, однако разговоры стихли сразу.

У входа стояли четверо мужчин и одна женщина. Тот, кто говорил, был выше остальных. Тёмное пальто расстёгнуто, под ним графитовый костюм без галстука. Волосы тёмные, чуть длиннее строгой деловой стрижки, у висков заметна седина. Он смотрел на пальцы, сжимавшие Наташино запястье.

Мужчина в дублёнке отпустил её.

— А вы кто такой?

— Константин Берестов. С сегодняшнего дня на этот вопрос здесь отвечают моей фамилией.

Он снял пальто и передал его молодому человеку из своей команды. Потом оглядел помещение: разбитую рамку, телефоны в поднятых руках, разбросанные бумаги.

— Пять минут тишины, — сказал он. — После этого каждому назовут время личной встречи по его квартире. Все обещания будут записаны. Если сроки ещё не определены, вам так и скажут. Охрана останется у входа, чтобы сюда больше никто не лез через столы.

— Нам уже обещали! — подала голос женщина в красном.

— Я услышал. Повторять громче не требуется.

Он повернулся к женщине лет сорока с короткими светлыми волосами. Наташа знала Марину по переписке: та руководила проектным офисом Константина и собирала команды на объектах, которые он забирал под управление.

— Марина, переговорная ваша. Соберите договоры, разделите по корпусам. Артём, найдите руководителя стройки. Мне нужен здесь через двадцать минут. Остальные помогают.

Люди рядом с ним пришли в движение. Без суеты, будто каждый заранее знал своё место.

Константин подошёл к Наташе.

— Покажите ладонь.

— Там правда царапина.

Он протянул руку и ждал.

Наташа положила ладонь в его руку. Пальцы Кости легли ниже запястья, тёплые и сухие. Он повернул её кисть к свету, большим пальцем придержал край кожи возле пореза и поднял глаза на Лену.

— Аптечка.

— Сейчас.

— Мне надо закончить список, — сказала Наташа.

— Список подождёт две минуты.

— Кровь уже почти...

— Сядьте.

Наташа осталась стоять. За стеклянной дверью снова ударили ладонью по стойке, в коридоре кто-то тащил стул по плитке. Константин не повысил голос. Подвинул стул ещё ближе и придержал спинку, пока она не опустилась на край.

На его белой манжете осталась тонкая красная полоса. Он заметил её, расстегнул пуговицу, закатал рукав и снова протянул Наташе руку.

Лена принесла белую пластиковую коробку. Костя открыл защёлку и сам нашёл антисептик и пластырь.

— Я могу сама.

— Вижу.

Он всё же остался перед ней. Осторожно промыл порез, промокнул салфеткой. От него пахло холодным воздухом и чем-то древесным. На подбородке темнела короткая щетина, под глазами лежали бледные тени.

За её спиной снова заговорили сразу несколько человек, кто-то собирал с пола буклеты, с улицы доносился гул стройки. Константин разглаживал края пластыря большими пальцами и не выпускал её ладонь, пока белая полоска не легла ровно.

— Болит?

— Уже нет.

— Если порез глубокий, поедете к врачу.

— Он неглубокий.

Костя перевернул её кисть, убедился, что кровь не проступает, и отпустил.

— Кто вёл список до меня?

— Я.

— Продолжайте. Через полчаса зайдёте в переговорную.

— Я не успею за полчаса.

Он посмотрел на разложенные договоры.

— Сколько вам нужно?

— Час. Если никто больше не будет ломать мебель.

Уголок его рта едва заметно поднялся.

— Охрана проследит.

В течение следующего часа Константин почти не обращался к ней. Охранник принёс упаковки с водой, администратор расставил вдоль стены дополнительные стулья. Покупателей рассадили, крики сменились тяжёлыми, конкретными разговорами. Руководителя стройки привезли через двадцать семь минут; тот вошёл красный и запыхавшийся. Виктор Станиславович так и не появился.

Наташа снова села за стол. Пластырь цеплялся за бумагу; договоры приходилось переворачивать левой рукой. Лена диктовала номера квартир, Наташа ставила напротив каждого вопроса короткую отметку: аренда, ипотека, отделка, ребёнок. Женщина в красном пуховике принесла ей стакан воды и уже без крика показала фотографии недоделанного балкона.

Возле стойки Костя разговаривал с прорабом. Наташа не слышала слов, только видела, как тот сначала разводит руками, затем достаёт телефон и начинает искать цифры. Константин один раз посмотрел в её сторону. Взгляд задержался на заклеенной ладони, после чего он подозвал охранника и велел убрать разбитую рамку.

Осколки собирали в плотный пакет. Один всё же остался возле ножки стола и блеснул, когда Наташа потянулась за следующей папкой. Костя подошёл, отодвинул её кресло вместе с ней и поднял стекло салфеткой.

— Ноги поставьте сюда, — сказал он, подвинув под стол коробку с буклетами. — Пока пол не вымоют.

— Вы теперь ещё и за уборку отвечаете?

— Сегодня, похоже, за всё.

Он ушёл прежде, чем она придумала ответ. Наташа поставила ступни на коробку, взяла новый договор и продолжила список.

Наташа передала Марине таблицу и вошла в переговорную.

Константин сидел во главе длинного стола. Перед ним лежал план объекта, сбоку стояла нетронутая чашка кофе. Пиджак он снял и повесил на спинку соседнего стула; рукава белой рубашки были закатаны до локтей.

— Закройте дверь, пожалуйста.

Она закрыла и осталась стоять.

— Садитесь, Наталья...

— Сергеевна.

— Наталья Сергеевна. Сколько квартир продано в третьем корпусе?

— Сто восемьдесят семь. Зарегистрированных договоров сто семьдесят девять. По восьми пакетам документы до сих пор у юристов.

— Почему?

— В четырёх изменили площадь после обмеров. Два зависли из-за ипотеки. Ещё два я бы проверила особенно внимательно.

— Причина?

Она посмотрела на закрытую дверь.

— Клиентам дали скидку, которой нет в утверждённой сетке. Подписи руководителя есть. Оплата должна была пройти частями, но первые платежи я в системе не вижу.

— Вы сообщали?

— Финансовому директору. Письменно.

— Реакция?

— Мне объяснили, что это особые клиенты.

Он сделал пометку в блокноте.

— Срок третьего корпуса.

— Тот, который называем покупателям, или реальный?

Костя поднял взгляд.

— Оба.

— Покупателям обещали конец следующего месяца. При нынешней готовности — минимум ещё четыре. Если сегодня вернут бригады и решат вопрос с лифтами.

— Почему бригады ушли?

— Подрядчику не заплатили.

— Откуда знаете?

— Прораб каждый вторник покупает здесь кофе. Две недели назад перестал. Я позволила.

— Это входит в ваши обязанности?

— Нет. Просто тяжело продавать дом, когда знаешь о нём меньше покупателя.

Он откинулся на спинку стула и несколько секунд изучал её. Наташа выдержала взгляд. При ярком офисном свете его глаза оказались серыми, у правой брови белел тонкий шрам. Она перевела взгляд на раскрытый блокнот и выпрямила загнутый угол страницы.

— Почему вы здесь остались? — спросил Константин.

— Зарплата нужна.

— Это я понял.

— Клиенты звонят мне на личный номер. Многие брали квартиры для детей, продавали старое жильё, снимали временное. Я не могу достроить дом. Могу хотя бы не врать им.

— Вот почему старое руководство выпускало вас к недовольным.

— Наверное.

— Они удобно устроились.

Наташа промолчала.

Он закрыл блокнот.

— До конца недели вы работаете напрямую с Мариной. Доступы сохраните. Все письма, о которых говорили, перешлёте ей. Зарплату за прошлый месяц выплатим завтра.

Она моргнула.

— Всю?

— Должны больше?

— Нет. Просто нам обещали половину.

— Я не обещал.

Ей захотелось улыбнуться, и она опустила взгляд на пластырь.

— Спасибо.

— За вашу зарплату благодарить не надо. Лучше пришлите мне список проблем по каждому корпусу. Без формулировок для клиентов.

— Когда?

— Сегодня.

Улыбка исчезла.

— Это несколько часов.

— Останетесь?

— У меня дети.

— Тогда завтра к девяти.

— Будет.

Телефон в кармане завибрировал. Наташа достала его, увидела имя Павла и сбросила.

— Ответьте, — сказал Костя.

— Я перезвоню.

— Если это связано с детьми, отвечайте сейчас.

Она посмотрела на него настороженно и всё-таки набрала Павла.

— Да.

— Наташа, у меня встреча затянется. Егора сегодня не заберу.

— Павел, мы договорились утром.

— Я помню. Что мне сделать, отменить контракт?

— Предупредить раньше. У меня машина не завелась, я на другом конце города.

— Вызови такси.

— В час пик? До школы сорок минут, если повезёт.

— Ну извини. Я правда не могу.

За стеклом переговорной люди снова повысили голоса. Наташа глянула на часы. Пролётка заканчивалась через час и десять минут.

— Ладно. Разберусь.

Она отключилась и открыла приложение такси. Время подачи — двадцать пять минут.

Дорога до школы — пятьдесят две.

— Адрес школы, — сказал Константин.

— Что?

— Моему водителю понадобится адрес.

— Не надо. Я сама доеду.

— Не доедете вовремя.

— Я могу предупредить учительницу.

— Можете. Ещё можете дать адрес, и через сорок минут ваш сын будет здесь или дома.

Куда удобнее?

Наташа убрала телефон от груди.

— Я не отправлю ребёнка с незнакомым человеком.

— Поедете вместе. Машина ждёт у входа.

— А работа?

— Ваш рабочий день закончился двенадцать минут назад.

Она хотела возразить и не нашла ни одного разумного довода. Усталость, которую весь день удавалось отодвигать, вдруг навалилась разом: гул в голове, саднящая ладонь, разряженный телефон, оставленная во дворе машина.

— Мне нужно забрать Егора и заехать за Соней на тренировку, — сказала она. — Это другой район.

— Скажите водителю оба адреса.

— Константин Андреевич...

— Наталья Сергеевна, вы сегодня полдня решали чужие проблемы. Позвольте одну вашу решить мне.

Он протянул руку ладонью вверх. Наташа посмотрела на неё и вложила свою. Костя осторожно сжал пальцы вокруг пластыря.

— Договорились? — спросил он тише.

— Спасибо.

— Руку вечером ещё раз обработайте.

У входа её ждали чёрный внедорожник и мужчина по имени Денис. Он показал служебное удостоверение, терпеливо дождался, пока Наташа отправит его фотографию Соне, и открыл заднюю дверь.

Егор вышел из школы последним, хмурый и без шапки.

— Я думал, ты не успеешь.

— Когда это я не успевала?

Он посмотрел на машину.

— Это такси?

— Почти. Шапку где оставил?

Через пятнадцать минут Денис вернулся к школьному крыльцу за шапкой, которую Егор забыл в раздевалке, и не выказал ни тени неудовольствия. Потом они забрали Соню из спортзала. Дочь села рядом с братом, оценила кожаный салон и тихо спросила:

— Мам, тебя повысили?

— Новый владелец объекта дал водителя.

— Красивый?

— Водитель?

— Владелец.

— Соня.

— Значит, красивый, — заключила дочь.

Наташа отвернулась к окну, скрывая улыбку.

Возле дома Денис достал из багажника детские рюкзаки и подал Наташе визитку.

— Константин Андреевич просил узнать, где стоит ваша машина. Могу забрать ключи, утром вернут исправную.

— Сегодня уже поздно.

— Сервис работает круглосуточно.

— И сколько это будет стоить?

— Диагностику сделают и позвонят вам. Без согласования ничего менять не станут.

Наташа посмотрела на тёмный двор за спиной Дениса, потом на рюкзак Егора, который уже съезжал у неё с плеча. Поднялась с детьми в квартиру, сняла сапоги в прихожей и нашла запасной ключ в ящике комода. На обратном пути проверила банковское приложение: денег на аккумулятор хватало. Ключ она отдала только после этого.

Денис записал номер телефона и уехал.

Дома всё быстро вернулось на привычные места. Егор рассыпал на столе детали конструктора. Соня включила музыку в ванной. Наташа поставила вариться макароны, достала фарш и плечом прижала телефон к уху, слушая рассказ классной руководительницы о пропущенной контрольной.

— Мам, пластырь мокрый, — заметил Егор за ужином.

— Поменяю.

— А что случилось?

— Рамка упала.

— На тебя?

— Рядом.

— Тот красивый владелец тебя спас? — спросила Соня.

— Ешь.

После ужина Наташа проверила математику у Егора, поссорилась с Сонею из-за мокрого полотенца на кровати, загрузила стиральную машину и открыла ноутбук. Список проблем по

корпусам занял три часа. Она писала коротко: лифты, отопление, фасад, документы, подрядчики. В отдельную колонку внесла фамилии семей, которым требовалось временное жильё после окончания аренды.

Егор устроился рядом с конструктором и каждые пять минут спрашивал, можно ли считать космическую станцию домашним заданием по окружающему миру. Соня ходила из комнаты в ванную, хлопала дверцей шкафа и всё-таки принесла полотенце сушиться на батарее. Наташа отвечала обоим, не отрывая рук от клавиатуры.

В таблице за фамилиями стояли живые подробности, которые не помещались в ячейки. Ковалёвы хранили коробки у родственников и платили за съёмную квартиру. У Морозовых ребёнок должен был пойти в школу возле нового дома. Пожилой мужчина с восьмого этажа продал дачу, чтобы закрыть доплату. Наташа открыла примечания и вписала всё, что могло изменить порядок решений утром.

Стиральная машина закончила цикл. Она развесила детские футболки над ванной, вернулась с влажными руками и обнаружила, что Егор уснул на диване среди деталей. Пришлось отнести подушку, снять с него один носок и накрыть пледом. Ноутбук ждал на кухне, экран уже погас.

Наташа снова включила экран ноутбука, сделала чай и проверила последние строки. В квартире было тихо, только на отжиме гудела вторая загрузка и за стеной сосед передвигал мебель.

В 23:18 на экране высветился незнакомый номер.

«Добрый вечер. Диагностика: аккумулятор под замену, окислились клеммы. Стоимость согласовать?»

Наташа подтвердила сумму, открыла ссылку и оплатила аккумулятор. Чек упал в почту раньше, чем погас экран. Она положила телефон возле ноутбука и несколько секунд смотрела на него с улыбкой.

Она закончила таблицу ближе к полуночи и отправила Марине. Почти сразу пришло новое сообщение.

«Получил. Почему не спите?»

Номер был другой, но подпись не требовалась.

Наташа посмотрела на тёмное окно кухни.

«Вы сами просили список к девяти».

Три точки появились сразу.

«К девяти утра. Время на сон в расчёт входило».

Она улыбнулась и напечатала:

«В следующий раз уточняйте техническое задание».

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Учту. Как рука?»

Наташа подняла ладонь. Под свежим пластырем тихо пульсировал порез.

«Жить буду».

«На это и рассчитываю. Ложитесь».

Она перечитала последнее слово, выключила ноутбук и пошла проверять детей. Егор спал поперёк дивана, обняв подушку. Соня оставила включённую лампу и книгу раскрытой на груди. Наташа убрала книгу, укрыла дочь, затем постояла в коридоре, слушая тишину квартиры.

В спальне она поставила будильник на шесть сорок, легла и уже с закрытыми глазами вспомнила тёплые пальцы вокруг своей ладони.

Глава 2. Услышать вас

Исправную «Киа» пригнали к офису в половине девятого. Ключи лежали в запечатанном конверте, рядом была квитанция из сервиса и распечатка диагностики.

— Всё официально, — сказала Лена, разглядывая бумаги через Наташино плечо. — Даже обидно.

— Что именно?

— Мог бы хотя бы записку положить.

— Он владелец компании, а не герой сериала.

— Одно другому не мешает.

Наташа убрала документы в сумку и прошла к своему столу. Оплату аккумулятора банк подтвердил ещё ночью. Услуга эвакуатора в счёте отсутствовала. Она написала Денису, спросила стоимость, получила в ответ: «Корпоративная машина всё равно ехала в тот район».

Константина в офисе не было. Наташа обнаружила, что прислушивается к звуку открывающейся двери, рассердилась и ушла помогать Марине с таблицами.

Новая команда работала быстро. К обеду у каждого корпуса появился отдельный файл, за каждым закрепили ответственного сотрудника. Старые пароли меняли, печати пересчитывали, бумаги выносили из кабинетов целыми коробками. В коридоре пахло пылью и кофе.

Наташа вместе с Мариной разбирала шкаф бывшего руководителя. За папкой с рекламными макетами нашли неподписанные допсоглашения, за пачкой чистых бланков — три претензии с истёкшими сроками ответа. Марина раскладывала документы по стопкам, Наташа звонила клиентам прямо с пола, сидя между коробками.

— Вы правда нашли моё заявление? — спросила в трубке женщина из второго корпуса. — Мне сказали, оно у юристов.

Наташа посмотрела на лист, на котором не было ни одной визы.

— Оно у меня. До вечера скажу, кто им занимается и когда будет решение.

После звонка она приклеила к папке красный стикер. К трём часам таких стикеров стало девять. Костя дважды проходил мимо открытой двери. Во второй раз молча поставил рядом с Наташей стакан воды, поднял верхнюю коробку и унёс к Марине.

Виктор Станиславович пришёл после трёх. Шарф висел на шее, словно он заскочил на минуту между важными встречами.

— Наташа, что за самостоятельность? — спросил он, остановившись возле её стола. — Почему моя почта заблокирована?

— Доступы меняют всем.

— Ты теперь у нас пресс-секретарь нового начальства?

— Константин Андреевич в переговорной.

— Я знаю, где он.

Дверь переговорной открылась.

— Тогда заходите, — сказал Константин.

На нём были тёмно-синие брюки и чёрная рубашка. Пиджак он нёс в руке. Поздоровался со всеми, задержал взгляд на Наташе.

— Машина?

— Завелась с первого раза.

— Удивительное достижение сервиса.

— Спасибо за эвакуатор.

— Денис всё равно ехал в тот район.

Утром Денис сказал почти теми же словами. Наташа улыбнулась.

— Конечно.

Костя ответил коротким взглядом, от которого в тесном офисе вдруг стало ещё теплее, и пропустил Виктора Станиславовича в переговорную.

Разговор начался за закрытой дверью. Через несколько минут голоса стали слышны в общем зале.

— Вы не понимаете специфику, — говорил прежний руководитель. — Здесь годами выстраивались отношения.

— Я вижу результат этих отношений.

— Задержки возникли из-за подрядчика.

— Которому вы не платили.

— Финансирование заморозил банк.

— За три недели до этого вы перевели двадцать миллионов компании, зарегистрированной на вашего шурина.

Наступила тишина.

Лена уронила ручку и наклонилась за ней так медленно, будто хотела остаться под столом.

— Это оплата консультаций, — наконец произнёс Виктор Станиславович.

— Тогда у вас будет возможность рассказать о них аудиторам. До конца дня передайте ключи, служебный телефон и автомобиль.

— Вы не можете вышвырнуть меня за час.

— Могу. Час я дал из вежливости.

Дверь распахнулась. Виктор Станиславович вышел красный, прошёл мимо сотрудников и закрылся в кабинете.

Константин появился следом.

— Наталья Сергеевна, зайдите.

Она взяла блокнот и вошла. В переговорной остался запах резкого мужского одеколона. Костя открыл окно, вернулся к столу и подвинул ей распечатанный график.

— Строители обещают закончить третий корпус за десять недель. Проверьте клиентскую часть.

Наташа просмотрела лист. Отделка холлов, пусконаладка, обмеры, получение заключения — всё помещалось в аккуратные цветные полосы.

— Не получится.

— Быстро.

— Здесь на передачу данных после обмеров заложено два дня. В прошлый раз ушло девять. Потом надо пересчитать стоимость каждой квартиры, разослать уведомления, получить доплаты. Часть покупателей живёт в других городах.

— Сколько закладывать?

— Две недели при условии, что обмеры правильные.

— Слишком много.

— Можете написать меньше. Дом от этого быстрее не сдастся.

Он сел, провёл пальцем по строкам.

— Что ещё?

— Вы правда хотите знать?

— Я затем вас и позвал.

Наташа села напротив и начала разбирать график. Константин спорил почти с каждым её сроком, звонил руководителю стройки, требовал цифры. Через сорок минут от красивой схемы осталось три перечёркнутых блока и множество заметок. Наташа ожидала, что он устанет от её возражений. Он только становился внимательнее.

— Двенадцать недель, — сказал он наконец.

— Тринадцать.

— Двенадцать с половиной.

За окном переговорной рабочие снимали с фургона бухты кабеля. Дверь на улицу то и дело открывалась, внутрь тянуло морозом и мокрым картоном. Костя провёл ногтем по строке графика, оставив на бумаге серый след от строительной пыли.

Наташа придвинула лист обратно к себе и вписала половину недели от руки. Ручка задела его палец. Константин не убрал ладонь.

— Покупателям половина недели ничего не даст.

— Зато даст мне.

— Тогда двенадцать с половиной, — согласилась она. — Обещаем тринадцать.

Костя посмотрел на неё и медленно улыбнулся.

— Вы всегда торгуетесь чужими днями?

— Только рабочими.

Улыбка осталась, стала теплее.

— Жаль.

Наташа подняла глаза и сразу поняла, что он говорит уже не о графике. Сердце ударило сильнее. Она спрятала смущение, снова посмотрев в распечатку.

— Мне нужно вернуться к клиентам.

— Идите.

Она встала.

— Наталья.

Впервые он назвал её без отчества. Она обернулась.

— Сегодня в четыре поедете со мной на объект. Возьмите каску.

— У меня своя.

— Я уже ничему не удивляюсь.

До четырёх Наташа провела три встречи, объяснила двум семьям новые сроки и выслушала женщину, которая плакала из-за заканчивающейся аренды. Константин уехал в банк.

После женщины осталась смятая салфетка и копия договора найма с подчёркнутой датой. Наташа позвонила владельцу квартиры сама. Тот согласился подождать три дня, пока компания подтвердит оплату следующего месяца. Марина услышала конец разговора, достала из папки форму заявки и положила перед Наташей.

— Ты всегда звонишь чужим хозяевам квартир? — спросила она.

— Когда иначе семью выселят в понедельник.

Они заполнили заявку вдвоём. Лена принесла остывший суп из комнаты отдыха, Наташа съела половину возле принтера, пока выходили письма для покупателей. В четыре без пяти она сменила туфли на рабочие ботинки, собрала волосы и проверила, лежат ли в кармане перчатки.

Костя появился в общем зале с мокрым снегом на плечах. Проходя к переговорной, коснулся пальцами её локтя, будто продолжил разговор, который они не вели весь день.

Через полчаса Марина выглянула оттуда.

— Он просит тебя зайти.

— Мы выезжаем?

— Через пять минут. Просто зайти.

Константин стоял у окна. Телефон лежал на громкой связи, мужчина на другом конце перечислял цифры. На столе был открыт ноутбук, рядом остывал кофе.

— Садитесь, — сказал Костя, прикрыв микрофон ладонью. — Пять минут.

— Что случилось?

— Ничего. Посидите.

Она удивлённо посмотрела на него. Он уже вернулся к разговору.

— Нет, Сергей, эту сумму я не подтверждаю. Присылайте основание... Я видел смету. Вот и спрашиваю.

Наташа села у края стола и открыла почту на телефоне. Поручения не последовало. Она ответила клиенту, отметила письмо для Марины и подняла глаза. Константин больше не постукивал пальцами по подоконнику. Между бровями разгладилась складка, одну и ту же страницу договора он перестал прокручивать по два раза.

Костя смотрел на неё.

— Что?

Он покачал головой и продолжил разговор:

— Жду исправленный вариант до шести.

Звонок закончился. Несколько секунд в комнате было слышно, как по стеклу стучит мелкий дождь.

— Для чего я сидела? — спросила Наташа.

— У меня перестала болеть голова.

— Это новая должностная обязанность?

— Если сработает второй раз, внесём в договор.

Она рассмеялась. Константин взял с кресла её каску и подал ей.

— Поехали.

На улице дождь перешёл в мокрый снег. До третьего корпуса они дошли по настилам, обходя лужи и штабеля плитки. Наташа была в рабочих ботинках, которые хранила в офисе с первого месяца стройки. Костя заметил их и одобрительно кивнул.

— Я думал, вы придёте в тех сапогах, что были утром.

— И утону на первом этаже? Я здесь давно работаю.

— Насколько давно?

— Четыре года.

— До этого?

— Продавала кухни. Ещё раньше сидела с детьми и брала удалённые заказы в интернет-магазине.

— Муж обеспечивал?

— Бывший муж считал, что обеспечивает. У нас были разные представления о суммах.

Они вошли в подъезд. Бетонные стены усиливали каждый шаг. Навстречу спустился прораб, начал докладывать о монтаже лифтов. Константин слушал, задавал точные вопросы, дважды останавливал его, когда тот уходил в общие слова. Наташа наблюдала за ним со стороны. Здесь, среди голого бетона, рабочих в грязных куртках и тяжёлого гула инструментов, он выглядел на своём месте. Люди рядом выпрямлялись, говорили короче, вспоминали цифры.

На восьмом этаже они зашли в угловую квартиру. Окна ещё были заклеены защитной плёнкой. За ними серел город, внизу горели первые фонари.

— Здесь течёт, — сказала Наташа и показала тёмную полосу у откоса.

Прораб нахмурился.

— Конденсат.

— После прошлого дождя было то же самое.

Костя провёл пальцами по влажной стене.

— Вскрыть откос завтра. Результат мне на видео.

— Сделаем.

Прораб вышел звонить. Наташа подошла к окну.

— Отсюда красивый вид, — сказала она. — Я эту квартиру первой показывала. Семья ждёт её два года.

— Вы всех помните?

— Почти.

— Опасное качество для продаж.

— Для плохих продаж.

Константин встал рядом. Плечо его куртки коснулось её плеча. Места у окна хватало, отступать он не стал. Наташа тоже осталась на месте.

— Ларионова — фамилия отца? — спросил он.

— Да.

— После брака не меняли?

— Нет. Мне всегда нравилась моя.

— Правильно.

— Почему?

— Она вам подходит.

— Фамилия может подходить?

— Ваша — может.

Она повернула голову. Он стоял близко, и серые глаза казались темнее из-за пасмурного света. Снизу позвали прораба. Костя не шелохнулся.

— Нам пора, — сказала Наташа.

— Знаю.

Он первым отступил от окна.

Обратно шли молча. За ограждением стройки расплывались в мокром снегу огни машин. Наташа отвечала Соне, которая просила разрешения остаться у подруги до восьми. Константин просматривал документы на планшете. На узком настиле его плечо коснулось Наташиного, и она слишком ясно это почувствовала.

Соня прислала адрес и фотографию Кати у подъезда. Следом написал Егор: соседка разрешила ему ещё полчаса смотреть мультфильм. Наташа ответила обоим, проверила время и убрала телефон в сумку.

У входа Костя оторвался от планшета.

— Всё в порядке?

— Соня торгуется за лишний час. Егор пользуется отсутствием свидетелей.

— Кто побеждает?

— Пока дети.

Наташа переложила папку в другую руку, и несколько листов выскользнули из-под обложки. Костя придержал их, помог закрыть папку и забрал у неё. На несколько секунд его ладонь задержалась у неё на локте.

Костя задержал Наташу под навесом у офиса.

— Поужинаете со мной?

Она посмотрела на часы. Половина седьмого.

— Мне надо домой. Егор у соседки, Соня у подруги.

— Завтра?

— Завтра дети со мной.

— Они всегда с вами?

— Почти. Павел берёт их через выходные, когда у него получается.

— В эти выходные получится?

Наташа медленно вдохнула. Под навесом пахло снегом, бензином и мокрым асфальтом. Костя ждал ответа и не отводил глаз.

— Возможно.

— Это долго.

— Два дня.

— Я умею считать.

Константин открыл дверь офиса. Внутри горела одна лампа над стойкой, остальные уже ушли. Наташа вошла за ним, чтобы забрать сумку. Он включил свет возле её стола.

— До завтра, Константин Андреевич.

Она надела пальто, перекинула ремень сумки через плечо и подошла к выходу.

— Наталья.

Она остановилась, держась за ручку двери.

— Подойдите.

Сердце ударило так сильно, что ей пришлось сделать вдох. Костя стоял у края стойки. Между ними было всего несколько шагов.

— Зачем?

— Потому что я хочу вас поцеловать.

Наташа не сразу отпустила ручку. Они знали друг друга второй день, он был владельцем компании, дома ждали дети — причин открыть дверь хватало. Она всё-таки повернулась к нему, но осталась на месте.

Константин подошёл сам. Снял сумку с её плеча, поставил на стойку и провёл пальцами по щеке.

— Наталья, — тихо произнёс он.

От того, как прозвучало её имя, стало жарко. Она подняла глаза и не успела придумать, что сказать.

Он поцеловал её первым. Медленно, сдержанно. Наташа на мгновение растерялась, потом положила ладони ему на грудь и ответила. Тогда его рука легла ей на талию, и поцелуй стал глубже.

Собственное желание смутило её сильнее самого поцелуя. Наташа всё же поднялась на носки, а Костя притянул её ближе и коснулся губами шеи.

— Мне давно пора домой, — выдохнула она.

— Знаю.

— И это вас не останавливает?

— Пока вы стоите здесь — нет, — сказал он и снова поцеловал её. Наташа закрыла глаза и только тогда осторожно провела пальцами по его волосам на затылке.

Телефон в сумке зазвонил.

Наташа замерла.

— Это может быть Соня.

Константин сразу отпустил её. Она достала телефон. Дочь сообщила, что уже идёт домой и просит купить молоко.

— Буду минут через сорок, — сказала Наташа. — Дверь никому не открывай. Егор у Марии Ивановны, заberi его, пожалуйста.

Закончив разговор, она обнаружила, что Костя стоит у окна и смотрит на улицу. Руки в карманах брюк, плечи снова напряжены.

Наташа подошла сзади и положила ладонь ему между лопаток.

Он выдохнул, повернулся и накрыл её руку своей.

— Мне нужно ехать, — сказала она.

— Отвезу.

— У меня теперь работает машина.

— Тогда провожу до неё.

Он помог ей застегнуть пальто. Простое движение заняло дольше, чем требовалось: его пальцы задержались у воротника, коснулись кожи над ключицей. Наташа смотрела на него, чувствуя, как снова становится трудно дышать.

— В пятницу вечером, — сказал Константин.

— Если Павел заберёт детей.

— Заберёт.

— Вы и это устроите?

— Очень хочется.

Она рассмеялась и поцеловала его сама — быстро, в угол рта.

На парковке Костя проверил, завелась ли «Киа», дождался, пока загорятся фары, и только тогда отошёл. Наташа выехала со стоянки, увидела его в зеркале и поймала себя на желании развернуться.

Дома пахло разогретыми макаронами. Егор строил на полу космическую станцию. Соня сидела за столом с учебником и медленно оглядела маму — от расстёгнутого пальто до улыбки, которую Наташа не успела спрятать.

— Молоко купила? — спросила дочь.

Наташа застыла в прихожей.

— Забыла.

— Зато настроение хорошее.

— У меня всегда хорошее настроение.

Соня подняла брови.

— Ладно. Иногда.

Наташа сняла сапоги, прошла на кухню и обнаружила в холодильнике полпакета молока. На чай хватит. Она разогрела себе ужин, выслушала рассказ Егора о планете, где вместо денег использовали детали конструктора, и помогла Соне найти ошибку в уравнении.

Позже, когда дети легли, Наташа достала телефон. Новых сообщений не было. Она положила его рядом, разобрала сушилку с бельём и вымыла кружки. Телефон молчал.

В 23:07 пришло одно слово:

«Спите?»

Она ответила:

«Собиралась».

Звонок раздался сразу.

— Я помешал? — спросил Константин.

Его голос без офисного шума звучал ниже.

— Уже помешали.

— Вы можете отключиться.

— Могу.

Она устроилась на кровати, поджав под себя ноги.

— Почему не отключаетесь?

— Хочу понять, зачем вы позвонили.

На том конце повисла короткая пауза.

— Услышать вас.

Наташа улыбнулась в темноте.

Они проговорили почти час. О работе почти не говорили. Костя рассказал, что в детстве ненавидел манную кашу и научился готовить мясо, потому что однажды отравил друзей сырым стейком. Наташа призналась, что не умеет кататься на коньках, хотя каждую зиму обещает детям научиться. Он спросил про Соню и Егора и запомнил, кто занимается волейболом, а кто строит космические станции.

Пока они разговаривали, Наташа сложила высушенное бельё. Телефон она носила с собой на громкой связи, перекладывая с кровати на стол, а потом на комод. Он слышал, как она открывает шкафы, как падает на пол Егорова футболка, как скрипит дверца комода.

— Вы всё время что-то делаете? — спросил он.

— Сейчас сию.

Наташа как раз несла стопку полотенец по коридору.

— Не верю.

— Хожу очень медленно.

Он рассмеялся. Потом рассказал про сестру, которая в десять лет спрятала его ботинки перед экзаменом, чтобы он не уехал учиться в другой город. Наташа села на край кровати, забыв про полотенца, и слушала, пока Костя вспоминал двор, старый автобус до вокзала и маму, прибежавшую следом с пакетом бутербродов.

Когда разговор снова дошёл до детей, он не задавал общих вопросов. Спросил, долго ли Соня занимается волейболом, почему Егор живёт космосом и кто остаётся с ними, когда Наташа задерживается. Она отвечала без привычного раздражения: его интерес не требовал отчёта и не превращался в совет.

Когда Наташа наконец легла, губы всё ещё помнили его поцелуй, а пятница казалась слишком далёкой.

Глава 3. Позвони вечером

В четверг Константин приехал в офис к одиннадцати и сразу позвал Наташу в переговорную.

— У нас встреча? — спросила она, закрывая дверь.

— Через двадцать минут.

— Тогда зачем я здесь?

Он сидел с ноутбуком и двумя телефонами, вокруг лежали распечатки банковских выписок. Последние двое суток ему приходилось разбираться с долгами прежнего владельца, и спал он, судя по лицу, ещё меньше Наташи.

— Проверяю вчерашнее наблюдение.

— Насчёт головы?

— Да.

— И как проходит эксперимент?

— Для чистоты результата вам надо подойти ближе.

Она оглянулась на стеклянную дверь. Жалюзи были подняты, за ними ходили сотрудники.

— У вас через двадцать минут встреча.

— Уже через девятнадцать.

Наташа подошла к столу. Костя отодвинул соседнее кресло, и она села рядом. Он продолжил читать договор. Через минуту его ладонь легла на её колено.

Ладонь оставалась неподвижной. Тепло проходило сквозь плотную ткань юбки.

— Это входит в методику? — спросила она.

— Обязательный этап.

— Тогда исследование сомнительное.

— Результат отличный.

Он провёл большим пальцем по её колену. Наташа почувствовала, как тепло поднимается выше, и накрыла его руку своей.

В дверь постучали. Константин убрал ладонь и сказал:

— Войдите.

Марина занесла договоры, положила их на стол и ни разу не посмотрела на Наташу. Только у выхода уголки её губ дрогнули.

— Увидела, — сказала Наташа, когда дверь закрылась.

— Она профессионал. Переживёт.

— Здесь все переживут и будут обсуждать до Нового года.

— Вас это беспокоит?

Наташа задумалась.

— Пока не решила.

— Решайте рядом.

Он вернулся к документам. Она осталась ещё на десять минут, ответила на два письма и ушла за минуту до прихода банкиров. В общем зале Лена посмотрела на неё с таким любопытством, что Наташа молча подняла папку перед лицом.

День оказался длинным. Один покупатель грозил судом, второй принёс торт в благодарность за честный срок. К вечеру на столе Наташи стояли бумажные стаканы и тарелки с засохшим кремом. Костя дважды проходил мимо, оба раза касался пальцами спинки её кресла.

Торт разрезали канцелярским ножом из кладовой, потому что кухонный куда-то исчез. Лена раздала куски на одноразовых тарелках, Марина ела стоя у принтера. Наташа успела сде-

лать два глотка чая, прежде чем позвонила семья из первого корпуса и сообщила, что хозяйка снова поднимает аренду.

Она ушла с телефоном в коридор, разложила на подоконнике договор и считала сумму на калькуляторе. Константин вышел из переговорной во время разговора, остановился рядом и придержал лист, который тянуло сквозняком из открытой двери. Наташа назвала клиенту новый предел компенсации, дождалась ответа и только после звонка подняла глаза.

— Вы согласовали эту сумму? — спросила она.

— Вы назвали её уверенно.

— Это не согласование.

— Тогда согласовываю.

Он забрал с подоконника пустой стакан и ушёл на следующий звонок. Наташа вернулась к столу с договором, липким пальцем от крема и ощущением его ладони на бумаге рядом со своей.

В семь он нашёл её в архиве. Наташа сидела на корточках перед нижней полкой и перебирала папки.

— Домой.

— Ещё десять минут.

— Вы говорили так сорок минут назад.

— Тогда это была предварительная оценка.

Костя присел рядом, вытащил папку из её рук и поставил на полку.

— Вставляйте.

— Там договор, который нужен Марине утром.

— Найдёте утром.

— Вы же потребуете его в восемь тридцать.

— Потребую в девять.

Он протянул руку. Наташа вложила в неё свою и поднялась. В тесном проходе они оказались почти вплотную. Константин коснулся губами её виска.

— Завтра пятница, — сказал он.

— Я в курсе.

— Ваш бывший муж подтвердил выходные?

— Ещё не спрашивала.

— Позвоните ему.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Вы очень уверены, что я соглашусь на ужин.

— Соглашаетесь?

Наташа посмотрела на его рот.

— Да.

— Тогда звоните.

Она засмеялась и упёрлась ладонями в его грудь.

— Сначала выпустите меня из архива.

— Здесь никто не мешает.

Он поцеловал её, прижав к стеллажу осторожно, чтобы папки не посыпались на пол. Наташа обняла его за шею. За дверью кто-то прошёл по коридору, и необходимость молчать делала каждое прикосновение острее.

Домой она приехала после восьми. Павел сидел на кухне и ел оставленный для Егора ужин. Его дорогая куртка висела на крючке для Наташиного пальто, ботинки стояли посреди прихожей.

— Ты почему здесь? — спросила она, разуваясь.

— Привёз Егору форму. Он оставил у меня.

— Можно было передать у двери.

— Сын предложил чай.

Егор выглянул из комнаты.

— Мам, папа сказал, что мы завтра поедem к нему.

— Я хотел обсудить, — сказал Павел. — Заберу после школы, верну в воскресенье.

— Обоих?

— Конечно, обоих.

Соня появилась в коридоре, скрестила руки.

— Я уже договорилась ночевать у Кати.

— Отменишь, — сказал Павел. — Я ваши планы постоянно учитывать не могу.

— Тогда забирай Егора.

— Наташа, вмешайся.

Наташа сняла пальто и повесила рядом с курткой Павла.

— Соня предупредила меня неделю назад. Она идёт к Кате. В субботу утром можешь забрать её оттуда.

— Мне через весь район ехать.

— Значит, в эти выходные Егор побудет у тебя один. Как тебе удобнее.

Павел недовольно посмотрел на неё.

— У тебя свои планы?

— Да.

— Понятно.

— Что именно?

— Ты выглядишь... довольной.

— Обычно это не требует расследования.

Соня кашлянула, пряча смех. Павел встал из-за стола.

— Завтра в шесть заеду за Егором. Соня пусть остаётся у подруги.

Он прошёл в прихожую и натянул ботинки.

— Наташа, только аккуратнее, ладно? У тебя дети.

— Вот почему я очень аккуратно выбрала их отца.

Дверь закрылась. Соня рассмеялась вслух.

— Я всё слышал! — крикнул Егор из комнаты.

— Делай русский! — ответили Наташа и Соня одновременно.

Поздно вечером Костя позвонил. Наташа вышла на кухню, прикрыла дверь и села на подоконник.

— Подтвердил, — сказала она вместо приветствия.

— Во сколько вы свободны?

— После семи.

— В семь буду у вашего дома.

— Я могу приехать сама.

— Можете. Но я хочу забрать вас.

— Вы всегда получаете то, что хотите?

— Часто.

— Самоуверенно.

— Зато честно.

Они помолчали. Наташа слышала его дыхание и далёкие автомобильные сигналы.

— Где вы? — спросила она.

— В машине у офиса.

— В это время?

— Только вышел.
— У вас опять болит голова?
— Уже меньше.
Наташа коснулась пальцами холодного стекла.
— Езжайте домой, Константин.
— Скажите ещё раз.
— Что?
— Моё имя.
Она тихо рассмеялась.
— Константин, езжайте домой.
На секунду в трубке стало совсем тихо.
— Еду, — сказал он.

* * *

В пятницу Наташа проснулась раньше будильника. Полдня она убеждала себя, что причина в отчёте, который собиралась закончить до обеда. После четырёх перестала притворяться.

Она приехала домой, проводила Егора, помогла Соне уложить вещи для ночёвки и встала перед открытым шкафом. Чёрное платье показалось слишком строгим, зелёное — слишком летним. Она выбрала тёмно-синее, мягкое, с запахом на талии. Распустила волосы, потом собрала, снова распустила. Соня наблюдала из дверей.

— Первое было лучше.
— Ты ещё здесь?
— Жду Катиного папу.
— Иди проверь зарядку.
— Уже. Mam, он тебе нравится?
Наташа встретила с дочерью взглядом в зеркале.
— Да.
— Сильно?
— Соня.
— Ладно. Просто пусть он будет нормальный.

В четырнадцать лет слово «нормальный» вмещало всё, о чём дочь не хотела спрашивать. Наташа повернулась и обняла её.

— Я тоже на это рассчитываю.

Ровно в семь у подъезда остановился тёмный автомобиль. На этот раз Костя был за рулём сам. Он вышел, когда Наташа появилась у двери. Тёмное пальто, чёрный свитер, седина у висков в свете фонаря. Несколько секунд он просто смотрел.

— Что? — спросила она.
— Иди ко мне.
— Мы уже на «ты»?
— Уже. И Наташа.

Она медленно спустилась с крыльца. Константин взял её за талию и поцеловал. Большой палец прошёл по спине поверх платья. Он отстранился только после того, как Наташа сама подняла голову.

— Добрый вечер, — сказал он, отстраняясь.
— Очень уверенное начало.
Он открыл перед ней дверь машины.

Ресторан оказался небольшим, на тихой улице возле реки. Белые скатерти отсутствовали, музыка не мешала разговаривать, из открытой кухни пахло хлебом и запечёнными овощами. Костя попросил стол в углу, помог Наташе снять пальто и заказал воду.

— Здесь готовят мясо лучше меня, — сказал он. — Проверено без пострадавших.

Наташа вспомнила их ночной разговор.

— А манная каша есть?

— Тогда уйдём.

Он помнил, что она любит сухое красное вино. Наташа сказала об этом вскользь в их позднем разговоре, а сейчас он выбрал бутылку и перед тем, как официант наполнил бокалы, молча дождался её одобрения.

Они говорили о книгах, которые оба бросали на середине, о путешествиях, о детях. Константин спросил, как прошла контрольная Егора, и не перепутал математику с русским. Рассказал, что вырос в небольшом городе, после школы уехал учиться и первые два года разгружал вагоны по ночам.

— Не представляю тебя с мешком на плече, — сказала Наташа.

— Тогда у меня не было костюмов.

— А командовать уже умел?

— Я был старшим ребёнком. У меня две сестры. Приходилось.

— Они тебя слушались?

— Никогда.

— Значит, есть люди, на которых твой голос не действует.

— Трое. Мама и сёстры.

— Теперь мне спокойнее.

Костя накрыл её пальцы на столе.

— Тебе было беспокойно?

— Ты очень быстроходишь в чужую жизнь.

Он не отвёл взгляд.

— Слишком быстро?

Наташа подумала о его сообщениях по утрам, о машине из сервиса, о ладони на колене, о том, как ждала пятницу.

— Пока мне нравится.

Его большой палец медленно провёл по её пальцам.

— Мне тоже.

После ужина Костя вызвал Дениса, и они с Наташей вышли к реке. Ветер нёс мелкий снег, фонари отражались в чёрной воде. Наташа спрятала руки в карманы пальто. Константин встал за её спиной и обнял, согревая.

— Замёрзла?

— Да.

— Поедем.

Наташа повернулась в его руках.

— Куда?

Он смотрел спокойно и ждал, оставляя решение ей.

— Ко мне, — сказал Костя. Наташа на секунду задержала дыхание и кивнула, пока не успела перечислить себе все причины, по которым это было слишком рано.

Дорога заняла пятнадцать минут. За рулём сидел Денис. Костя устроился с Наташей сзади и накрыл её ладонь своей. На светофоре поднёс её пальцы к губам. Наташа чувствовала волнение под рёбрами — живое, почти юное, давно забытое.

Его квартира была на двенадцатом этаже старого дома после реконструкции. Просторная прихожая, тёплый деревянный пол, светлая стена с чёрно-белыми фотографиями. Наташа сняла сапоги и поставила рядом с его ботинками. Костя повесил их пальто, потом обернулся к ней.

В тишине стало слышно, как работает холодильник на кухне.

— Хочешь воды? — спросил он.

— Потом.

Наташа осталась возле двери. Ремешок сумки всё ещё висел на запястье, пальцы сжимали его сильнее, чем требовалось. В тишине чужой квартиры она слышала собственное дыхание. Константин подошёл сам, снял сумку с её руки, коснулся волос и проверёл пальцами по шее.

— Что? — спросил он.

— Я давно ни к кому не приезжала вот так.

— Иди ко мне, — сказал он и поцеловал её, не дав снова спрятаться за смущением.

Поцелуй был совсем другим, чем в офисе: глубоким, неторопливым, без стеклянных дверей и звонков. Наташа коснулась края его свитера, но остановилась; Костя сам стянул его через голову и бросил на кресло. Он снял и футболку. На левом боку белел старый неровный шрам.

— Откуда? — спросила она, коснувшись края.

— Авария. Давно.

Он развязал пояс её платья, и ткань соскользнула на пол. Наташа сразу смутилась, почти прикрылась руками. Константин мягко отвёл их, поцеловал сначала одно запястье, потом другое. Она всё равно думала о складках на животе, о возрасте, о том, как давно не стояла перед мужчиной в одном белье. Его дыхание стало глубже, взгляд медленно прошёл по её телу. Наташа выпрямилась и больше не пряталась.

— Иди сюда, — произнёс он.

Она сразу шагнула к нему, положила ладони на плечи и потянулась за новым поцелуем.

Он поднял её на руки. Наташа ахнула, обхватила его ногами и рассмеялась ему в губы.

— Я тяжёлая.

— Даже не начинай.

— Это предупреждение.

— Опоздала.

Он понёс её по коридору. В спальне свет падал только из окна, за стеклом мерцали городские огни. На спинке кресла висела белая рубашка. Костя опустил Наташу на кровать и на мгновение замер над ней.

Она провела ладонью по его щеке.

— Что?

— Смотрю.

— Уже насмотрелся в ресторане.

— Мало.

Наташа потянула его к себе.

Он целовал её шею и плечи, медленно снял бретели с рук. Когда застёжка бюстгалтера разошлась, Наташа невольно свела плечи и прикрыла грудь. Константин не стал убирать её ладони. Коснулся губами пальцев, прошёл поцелуями вдоль запястья и поднял взгляд.

Она знала, чего он ждёт, и всё равно несколько секунд лежала, слушая собственное дыхание. Потом опустила руки. Костя провёл ладонями по груди, большим пальцем коснулся соска. Наташа выгнулась, а он наклонился и повторил это губами. От влажного тепла по телу прошла дрожь.

Его ладонь скользнула по животу и задержалась у резинки белья. Наташа накрыла её своей. Константин переплёл их пальцы, поцеловал её под ухом. Она выдохнула ему в губы, сама повела их руки ниже, и он стянул бельё с её бёдер.

Костя поцеловал колено, внутреннюю сторону бедра. Наташа снова свела ноги, смутившись собственной открытости. Его ладони остались на её бёдрах, большие пальцы гладили кожу. Он смотрел на неё снизу, и от этого спокойного, голодного внимания становилось ещё жарче. Наташа выдержала его взгляд, затем сама раздвинула колени. Только тогда его губы коснулись её между бёдер. Она резко втянула воздух и закрыла глаза.

Константин удерживал её за талию и не спешил. Каждое движение его языка отзывалось всё глубже, пока Наташа не перестала думать о животе, возрасте и чужой спальне. Она запустила пальцы в его волосы, прижала ближе. Удовольствие поднялось быстро; тело напряглось, пятки вдавились в матрас. Он остался рядом, пока дрожь не стихла.

Когда Костя снова лёг над ней, Наташа спрятала разгорячённое лицо у него на шее.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Она открыла глаза. Просьба прозвучала тихо, почти как приказ, и от этого внутри снова стало жарко. Он поцеловал её, давая почувствовать на собственных губах вкус её тела.

— Вот так, — произнёс Константин.

Он потянулся к тумбочке и разорвал упаковку. Наташа следила за его руками, смущаясь этой обычной, взрослой ясности сильнее, чем наготы. Костя вернулся к ней, устроился между её ног. Она обвила его бёдра и притянула ближе.

Константин вошёл медленно и прижался лбом к её виску. Наташа напряглась от непривычной полноты, провела ладонью по его спине и подняла бёдра навстречу. Он поймал это движение, начал двигаться глубже, постепенно набирая ритм.

Кровать тихо отзывалась на каждый толчок. Наташа ловила его рот, сбивалась с ритма, снова тянула к себе. Пальцы Кости сильнее сжимали её талию, поцелуи становились жаднее. Наташа встретила этот напор движением бёдер, провела ногтями по его спине и притянула за затылок.

Ритм ускорился. Наташа сжала ноги вокруг его бёдер, и удовольствие вернулось новой, более долгой волной. Она не сдержала стоны. Константин не отвёл от неё глаз, потом прижал лоб к её виску, двинулся ещё несколько раз и замер.

Некоторое время они лежали молча. Его ладонь медленно гладила Наташу по спине. За окном прошла электричка, окна вагонов скользнули по потолку светлыми полосами.

— Воды всё-таки хочу, — прошептала она.

— Сейчас принесу.

— Лежи. Я сама.

Она нашла на полу бельё, надела его и подняла рубашку Кости с кресла. Рубашка доходила почти до колен. Наташа застегнула две пуговицы и вышла в коридор.

На кухне она долго искала стаканы, открыла не тот шкаф, потом другой. Квартира ночью выглядела строже: прямые линии мебели, тёмные окна, ни одной случайной вещи. На холодильнике магнитом была прикреплена детская фотография — трое подростков у реки. Константин, худой и серьёзный, стоял между двумя девочками.

Наташа налила воду и вернулась.

Костя лежал на боку, заложив руку под голову. Увидев её, он протянул ладонь.

— Нашла?

— Со второго шкафа.

Наташа поставила стакан на тумбочку и легла рядом.

Константин притянул её к себе, коснулся губами плеча и устроил так, чтобы она лежала у него на груди.

Она провела пальцами по его волосам. Под её ладонью постепенно исчезло напряжение, которое она замечала в нём весь вечер.

— Всё-таки работает, — тихо сказал он.

— Что именно?

— Ты.

Наташа улыбнулась, хотя от этой короткой фразы снова стало неловко.

— Очень научное объяснение.

— Утром доработаю.

Он натянул на них одеяло и продолжил гладить её спину.

Через несколько минут его дыхание стало ровным.

Она ещё не спала.

Наташа провела ладонью по его спине, поправила край подушки под его щекой.

Костя во сне придвинулся ближе. Наташа закрыла глаза.

* * *

Утром её разбудил запах кофе. Рядом было пусто. Наташа всё ещё была в его рубашке, а её платье висело на спинке кресла, аккуратно расправленное. Она застегнула ещё одну пуговицу и прошла на кухню.

Константин стоял у плиты в серых домашних брюках и готовил омлет. Волосы были расчёпаны, на щеке отпечатались складки подушки. Таким она его ещё не видела.

Наташа остановилась в дверях, поправила край его рубашки на бёдрах. Потом подошла, обняла Костю со спины и прижалась щекой между лопаток.

— Значит, ты умеешь готовить не только опасное мясо.

— Я многогранный человек.

— С кофе это будет убедительнее.

Константин накрыл её руки своими, затем повернулся в объятиях, налил кофе и поцеловал, удерживая ладонью за затылок.

— Остайся, — сказал он.

— Мне надо домой.

— Дети у отца до завтра.

— Соня вечером вернётся от подруги. И у меня дома ничего не готово.

— Закажем продукты. Я отвезу тебя, возьмёшь вещи.

Наташа отпила кофе.

— Константин, я поеду домой после завтрака.

Он несколько секунд смотрел на неё, всё ещё удерживая ладонью за затылок. Большой палец прошёл по щеке. Недовольство Костя не скрывал, но руку не убрал. Потом выключил плиту и переложил омлет на тарелки.

— После завтрака, — согласился он. — Отвезу.

— Я могу вызвать такси.

— Можешь. Я всё равно отвезу.

Наташа улыбнулась.

— Вот это уже предмет для переговоров.

— Нет. Это моя машина и моё утро. Дай мне хотя бы дорогу до твоего дома.

Он поставил тарелки на стол. Наташа коснулась его запястья, всё ещё не понимая, сердится ли он из-за её отказа остаться.

— Дам.

Они завтракали у окна. Константин кормил её кусочками тоста со своей тарелки и рассказывал о встрече в понедельник. Когда Наташа тянулась к чашке, его пальцы накрывали её руку; отпускали только затем, чтобы через минуту коснуться снова.

Перед выходом он застегнул пояс её пальто и поправил выбившуюся прядь.

— Сегодня увидимся?

— У меня стирка, магазин и вечер с Соней.

— Это отказ?

— Это планы.

— Завтра?

— Позвони вечером.

Костя недовольно повёл бровью, но открыл дверь.

Возле её дома он вышел из машины. Во дворе дворник сгребал мокрый снег, у подъезда две соседки выгуливали маленьких собак. Наташа представила, как быстро новость о высоком мужчине у тёмной машины поднимется до пятого этажа.

— Дальше я сама, — сказала она.

— Вечером позвоню.

— Я помню.

Он поцеловал её, не обращая внимания на соседок. Наташа вошла в подъезд, поднялась на свой этаж и только у двери поняла, что улыбается.

В квартире было тихо и прохладно. На кухонном столе Егор оставил недостроенную ракету, на стуле висела кофта Сони. Наташа сняла сапоги, переоделась в домашние брюки, открыла окна на пять минут и поставила стиральную машину.

Потом сварила себе ещё один кофе и села возле ракеты. Телефон завибрировал.

«Дошла?»

Она посмотрела на сообщение, хотя он сам привёз её к подъезду.

«Поднялась. Даже не заблудилась».

«Уже скучаю».

Наташа провела пальцем по краю экрана. За стеной соседи включили пылесос, во дворе кричали дети, стиральная машина набирала воду. Она открыла поле ответа и несколько секунд держала палец над клавиатурой.

Она ответила:

«Позвони вечером».

Глава 4. Тридцать восемь и два

Наташа дочитала письмо банка дважды и пододвинула ноутбук Марине.

— Они предлагают покупателям продлить ипотечные решения.

— Это же то, что нам нужно.

— На новых условиях. У кого одобрение было под восемь процентов, тот сейчас получит двенадцать. Ещё банк хочет повторную оценку и комиссию.

Марина пробежала глазами по приложению.

— В письме про комиссию ни слова.

— Она в тарифах по ссылке. В самом конце, мелким шрифтом.

За стеклом переговорной уже сидели двое представителей банка. Молодой мужчина в светлом костюме листал презентацию, его коллега раскладывала по столу буклеты. Константин стоял у окна и разговаривал по телефону. Он приехал десять минут назад, успел коснуться Наташиной спины, проходя мимо её стола, и сразу ушёл на звонок.

Марина закрыла файл.

— Скажешь сама.

— Я на встречу не приглашена.

Дверь открылась.

— Теперь приглашена, — сказал Костя. — Возьмите расчёты по третьему корпусу.

Наташа поднялась, поправила край жакета и пошла за ним. В переговорной он отодвинул для неё стул справа от себя, представил банковской команде и сел только после неё.

Мужчину звали Андрей Власов. Он говорил легко, уверенно, часто обращался к Константину по имени и ни разу не посмотрел на Наташу, пока на экране сменялись слайды. Банк был готов сохранить одобрения, предложить покупателям новый срок и открыть выездную стойку прямо в офисе продаж. В презентации всё выглядело так, будто людям, ждавшим квартиры почти год, готовили подарок.

— Запуск возможен со среды, — закончил Власов. — От вас нужна база клиентов и помещение для двух специалистов.

— База останется у нас, — сказала Наташа. — Каждый клиент даст согласие отдельно.

Власов наконец повернул голову.

— Разумеется. Это техническая формальность.

— Тогда внесите её в схему. И покажите полную стоимость повторного оформления.

— Тарифы открыты.

— На сайте. Покупатель узнает о комиссии после заявки.

Женщина из банка перестала листать буклет. Власов улыбнулся Наташе с терпением человека, которому приходится объяснять очевидное.

— Наталья Сергеевна, ипотечные продукты устроены сложнее продажи квартир.

— Я и принесла расчёты.

Она открыла таблицу. Для семьи, покупавшей двухкомнатную квартиру, разница в ставке давала почти двадцать тысяч рублей в месяц. Повторная оценка, страховка и комиссия добавляли ещё сто семьдесят четыре тысячи сразу.

— У меня сорок три таких договора, — сказала Наташа. — Семнадцать семей уже снимают жильё дольше, чем рассчитывали. Если мы предложим им это как помощь, к пятнице здесь снова будет охрана.

Власов повернулся к Косте.

— Можно обсудить детали отдельно. Думаю, клиентскому менеджеру пока трудно оценить общую картину.

Константин закрыл лежавшую перед ним папку.

— Общую картину она только что вам посчитала.

— Я имел в виду стратегию.

— А я — людей, которые будут за неё платить. Переделайте предложение. Старая ставка для действующих одобрений, никаких скрытых комиссий, база остаётся у нас.

— Сохранить старую ставку для всех банк не сможет.

— Тогда определите категории. Беременные, семьи с детьми, проданная единственная квартира, заканчивающаяся аренда. Наталья Сергеевна даст список без персональных данных.

— На такую выборку понадобится время.

— До завтра хватит.

Власов снял очки, протёр салфеткой и снова надел.

— Вы начинаете переговоры с условий, на которые банк не пойдёт.

— Для этого они и называются переговорами.

Через двадцать минут банковская команда ушла без буклетов. Марина убрала со стола чашки и остановилась возле Наташи.

На столе остались круги от чашек и распечатка с Наташиными пометками. Она собрала буклеты, раскрыла один на странице с крупной цифрой ставки и нашла сноску внизу. Марина поставила рядом чистую папку.

— Сюда всех, кому повторное оформление увеличит платёж больше чем на десять тысяч. Отдельно семьи, которые уже платят аренду.

Они разложили документы прямо на длинном столе. За стеклом сотрудники банка надевали пальто; Власов один раз оглянулся, встретился с Наташей взглядом и сразу продолжил разговор с коллегой. Костя взял её таблицу, просмотрел первые строки и вернул без единой правки.

— У тебя есть описание всех сорока трёх случаев?

— Тридцати восьми. По пяти надо поднять записи.

— К вечеру поднимем.

Константин посмотрел на Марину.

— С сегодняшнего дня клиентский блок ведёт Наталья.

Наташа оторвалась от таблицы.

— Мы это не обсуждали.

— Обсудим сейчас.

— Тогда сначала обсудим, потом объявим.

Марина перевела взгляд с одного на другую, взяла поднос.

— Мне выйти?

— Да, — произнесли они одновременно.

Дверь за ней закрылась. Костя сел на край стола и вытянул руку. Наташа осталась в кресле.

— Иди сюда.

— Я сейчас злюсь.

— Можешь злиться ближе.

— Ты решил повесить женщину, с которой спишь, и объявил это при ней. Очень удобный способ лишить меня возможности отказаться.

Его ладони плотнее легли на край стола, хотя голос остался спокойным.

— Я решил поставить на клиентский блок человека, который знает проект и умеет считать последствия. С тобой я сплю по другой причине.

— Остальные увидят только последовательность событий.

— Остальные видели, кто работал здесь до нашего прихода.

— И всё равно будут говорить.

— Тебе нужна эта должность?

Наташа посмотрела на схему на экране. Отдел, который предлагал Константин, ещё предстояло создать: претензии, выдача ключей, временное жильё, работа с банками. В прежней компании эти обязанности разбрасывали между менеджерами, и в конце никто ни за что не отвечал.

— Мне нужны полномочия, — сказала она. — Доступ к договорам, двое сотрудников и право останавливать обещания, которые стройка не выполнит. Название на визитке мне безразлично.

— Получишь.

— И прибавка.

— Конечно.

— Сумму я обсужу с Мариной.

Костя помолчал, затем кивнул.

— Обсудишь с Мариной. Она же подготовит приказ и объяснит команде, почему выбрали тебя.

— Без твоего присутствия.

— Наташа.

— Именно так.

Он провёл ладонью по подбородку. Наташа видела, как ему хочется закончить спор одним решением. Несколько секунд Константин смотрел на неё, потом взял телефон и набрал Марину.

— Вернись, пожалуйста. Должность Ларионовой оформляешь ты. Условия согласуете вдвоём. Команде объявишь после её согласия.

Он отключился и протянул Наташе руку ещё раз.

Теперь она подошла. Костя поставил её между коленей, обнял за талию и коснулся губами шеи над воротом блузки.

— Я всё ещё злюсь, — сказала Наташа, коснувшись его волос.

— Вижу.

— И не соглашусь только ради тебя.

— Если откажешься ради меня, разозлюсь я.

Она усмехнулась.

— Значит, у нас прекрасная основа для служебного романа.

Вошедшая Марина остановилась у двери.

Константин поднял голову.

— Стучать перестали?

— Стучала дважды. Видимо, у клиентского блока уже появились срочные дела.

Наташа отступила, застегнула жакет и взяла ноутбук.

До обеда они с Мариной считали нагрузку. Костя уехал на стройку. На её телефон пришло короткое сообщение: «В семь заберу».

Новый кабинет оказался бывшей кладовой для каталогов. Из окна был виден торец третьего корпуса, у стены стояли два разномастных стула и стол с царапиной посередине. Лена принесла коробку с личными вещами Наташи: кружку, зарядку, пачку салфеток и фотографию детей из аквапарка.

— Быстро вы меня переселили.

— Марина сказала освободить до планёрки.

Наташа поставила фотографию возле монитора, подвинула второй стул к столу и позвала сотрудников. Они час разбирали обращения: кто звонит покупателям сегодня, кто ищет временное жильё, кто собирает документы для банка. Оля записала задачи на полях старого рекламного буклета, потому что блокноты остались в общем зале.

Семейная пара пришла с ребёнком в коляске. Пока родители по очереди объясняли, почему больше не могут продлевать аренду, Наташа качала коляску носком туфли и листала список свободных квартир. К концу встречи у них появился адрес для просмотра и фамилия сотрудника, который должен был встретить их вечером.

Юрист принёс уведомление сразу после этой встречи. Фраза «компания оставляет за собой право изменить срок» занимала две строки. Наташа перечеркнула её красной ручкой.

— Мы только что назвали людям срок, — сказала она. — Если он изменится, будем говорить с ними снова, а не прятать это заранее в мелком тексте.

К трём часам на столе лежали первые подписанные решения. Наташа успела допить остывший кофе, нашла в ящике конфету и только тогда заметила сообщение Константина.

Она написала: «Куда?»

«Ко мне. Я приготовлю ужин».

«После истории со стейком звучит как угроза».

«Рискнёшь».

Наташа посмотрела на часы. До семи оставалось четыре часа, и это время вдруг стало отдельной величиной, которую хотелось сократить.

В половине шестого позвонила классная руководительница Егора.

— Наталья Сергеевна, у него температура тридцать восемь и два. Он сидит у медсестры. Я звонила Павлу Олеговичу, он сказал, что вы заберёте.

— Конечно. Я выезжаю.

Наташа уже убирала бумаги в сумку, когда на экране появилось имя Павла.

— Ты почему мне сразу не позвонил?

— Я на выезде, — сказал он на фоне чужих голосов. — До школы полтора часа. Ты ближе.

— Ты обещал забрать его и оставить у себя до завтра.

— С температурой ему лучше дома.

— У тебя тоже есть дом.

— Наташа, давай без этого. Я заеду завтра.

Связь оборвалась. Наташа сунула телефон в сумку, надела пальто и почти столкнулась в дверях с Костей.

— Куда?

— У Егора температура. Он в школе.

— Денис отвезёт.

— Я на машине.

Константин взглянул на её лицо и отступил, освобождая проход.

— Что купить?

— Ничего. Дома всё есть.

— Ужин отменяется?

— Прости.

— За что?

Он снял с вешалки её шарф и обернул вокруг шеи, спрятав концы под воротник пальто.

— Напиши, когда узнаешь температуру.

— Она уже тридцать восемь и два.

— Когда привезёшь его домой.

Наташа кивнула и быстро поцеловала его в щёку.

Егор ждал на кушетке в кабинете медсестры, бледный и сердитый. Шапка лежала у него на коленях, рюкзак стоял возле двери.

— Я не болею, — заявил он вместо приветствия.

— Конечно. Просто решил погреться изнутри.

— У нас завтра технология. Мы ракету будем запускать.

— Сначала запустим тебя под одеяло.

По дороге домой он уснул на заднем сиденье. На светофоре Наташа обернулась, увидела приоткрытый рот и влажные волосы на лбу. Возле дома пришлось будить. Егор уверял, что дойдёт сам, но на лестнице остановился между этажами и прислонился к стене.

Соня открыла дверь, забрала у брата рюкзак и сразу ушла ставить чайник.

— Папа приедет? — спросила она.

— Завтра.

— Понятно.

Наташа помогла Егору переодеться, уложила его, нашла градусник и жаропонижающее. В домашней аптечке осталась одна таблетка. Пока Соня сидела с братом, Наташа сбегала в аптеку и магазин у дома. Вернулась с лекарством, водой, яблоками и курицей, которую всё равно предстояло приготовить.

Костя написал дважды. Она увидела сообщения уже на кухне, когда снимала пену с бульона.

«Как он?»

Через сорок минут: «Наташа».

Она вытерла руки и позвонила.

— Температура упала до тридцати семи и восьми. Он уснул.

Наташа прижала телефон плечом и убавила огонь под кастрюлей. На кухне запотело окно, пахло курицей и лавровым листом. Из комнаты донёсся кашель; она замерла с ложкой в руке, прислушалась и только потом снова заговорила.

— А ты?

— Варю бульон.

— Я спрашивал, как ты.

— Нормально. Просто всё быстро.

— Я у твоего дома.

Наташа подошла к окну. Внизу, у края двора, стоял его тёмный автомобиль.

— Зачем?

— Хотел тебя увидеть.

— Константин...

— На три минуты. Если не можешь спуститься, уеду.

Соня стояла у кухонного стола с кружкой.

— Я на три минуты спущусь. Егор спит.

— Я рядом, — ответила дочь и ушла в комнату брата.

Наташа выключила плиту, накинула пальто поверх домашней футболки и спустилась.

Константин ждал возле подъезда. Без водителя, в расстёгнутом пальто, с телефоном в руке. Она подошла, и он сразу коснулся ладонью её лба.

— Болеет Егор.

— Проверяю источник инфекции.

— Очень научно.

Он наклонился и поцеловал её. Наташа обняла его под пальто, прижалась щекой к прохладному свитеру. За спиной хлопнула дверь подъезда, кто-то прошёл мимо с собакой.

— Пригласишь подняться? — спросил Костя.

— Сегодня нельзя. Егор болеет. Я не хочу, чтобы ты знакомился с детьми между градусником и бульоном.

Его пальцы на её талии напряглись.

— Я мог бы помочь.

— Знаю. Сейчас мне надо быть с детьми.

Он посмотрел на окна пятого этажа. Потом застегнул верхнюю пуговицу её пальто, которую она пропустила.

— Иди к сыну.

— Ты зря ехал через весь город.

— Я тебя увидел.

Наташа поцеловала его ещё раз и вернулась в подъезд. С площадки между этажами она посмотрела в окно: Константин всё ещё стоял возле машины. Он уехал, когда в кухне загорелся свет.

К ночи Егору стало легче. Егор вспотел, попросил пить и снова уснул. Соня разогрела себе бульон, унесла тарелку в комнату и вернула её через пять минут пустой.

Соня заглянула на кухню за водой.

— Егор спит? — спросила она.

— Да.

— Тогда я тоже пойду спать.

Наташа поцеловала дочь в висок.

— Спокойной ночи.

После полуночи она легла рядом с Егором поверх покрывала. Телефон зазвонил без четверти час.

— Разбудил? — спросил Костя.

— Нет. Лежу возле него.

— Температура?

— Тридцать семь и два.

Он выдохнул в трубку.

— Расскажи что-нибудь.

— Что именно?

— Всё равно. Я опять не сплю.

Наташа начала рассказывать, как Егор в шесть лет решил вырастить арбуз на подоконнике и два месяца поливал горшок, в котором Соня спрятала бусину. Константин слушал, иногда задавал вопросы. Через несколько минут его дыхание стало глубже.

— Ты уснул? — тихо спросила она.

Он не отозвался.

Наташа оставила звонок включённым и положила телефон рядом на подушку. За стеной работал холодильник, в комнате ровно дышал Егор, из телефона доносилось дыхание Кости. Она закрыла глаза.

* * *

Утром сын потребовал бутерброд и заявил, что готов идти в школу. Наташа оставила его дома: телефон положила рядом, еду — на стол, велела не открывать дверь и звонить при любом ухудшении. Потом собралась в офис и позвала Соню.

На первом светофоре Егор позвонил по видео и показал градусник: тридцать шесть и шесть. Через семь минут сообщил, что бутерброд слишком маленький. Наташа велела взять второй из холодильника и включила громкую связь, пока Соня рядом вспоминала, где оставила форму.

— Он справится, — сказала дочь у школы. — Я на перемене ему напишу.

Наташа дождалась, пока Соня войдёт в здание, и ещё минуту сидела в машине. На пассажирском сиденье лежали рабочие папки, в подстаканнике остывал кофе, телефон снова показывал Егоров номер. На этот раз сын хотел узнать пароль от домашнего интернета, хотя знал его наизусть.

Она продиктовала, попросила прислать фотографию после завтрака и только потом выехала к офису. По дороге Марина успела перенести первую встречу и отправить фотографию папки с предложением о должности.

Папка уже лежала у неё на столе. Марина поставила рядом кофе.

— Зарплата на тридцать пять процентов выше. Два человека сейчас, третьего найдём через месяц. Подчинение мне, по строительным срокам работаешь напрямую с Берестовым.

— Испытательный срок?

— Три месяца. Такой же, как у всех руководителей.

Наташа открыла папку и прочла каждый пункт. Потом попросила добавить право согласовывать клиентские уведомления до отправки и подписала.

Марина принесла второй экземпляр и новый пропуск. На нём под фотографией уже стояла должность. Наташа провела пальцем по пластиковой карточке, убрала в сумку и попросила пока не менять подпись в почте: сначала хотела сама сказать отделу.

Она собрала Лёну и Олю в своём кабинете. Стульев было два. Наташа осталась стоять у окна и объяснила, какие решения они теперь принимают сами, какую сумму компенсации можно назначить без дополнительного согласования и почему ни одно обещание по срокам не уходит клиенту без подтверждения стройки.

— А если Берестов скажет другое? — спросила Оля.

— Тогда он скажет это мне. Вы работаете по нашему порядку.

Лёна записала последнюю фразу и подчеркнула. Наташа увидела, но не стала просить убрать. После разговора они втроём перенесли в кабинет папки по временным квартирам и освободили нижний шкаф для текущих заявлений.

Константин появился после обеда. Поздоровался с командой, прошёл мимо её нового кабинета, вернулся и заглянул внутрь.

— Ты заблудился? — спросила Наташа.

— Проверяю, кто занял помещение.

— Руководитель клиентского блока.

Он вошёл, закрыл дверь и посмотрел на подписанный экземпляр договора.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Марину благодарила теплее.

— Она обсуждала со мной деньги.

Костя подошёл и поцеловал её в губы. Коротко, потому что за стеклом ходили сотрудники.

— Вечером увидимся?

— Если у Егора не поднимется температура.

— Принято.

Он ушёл на совещание. Наташа ещё несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь, затем взяла красную ручку и вернулась к банковскому предложению.

Дома её встретили запах подгоревшего хлеба и спор из-за последнего йогурта. Егор уже носился по коридору в пижаме, Соня делала бутерброды и уверяла, что брат симулировал ради пропущенной контрольной.

— Меня повысили, — сказала Наташа, разуваясь.

— Зарплату тоже? — спросила Соня.

— Тоже.

— Тогда нам нужен торт.

— У нас есть подгоревший хлеб.

Егор высунулся из комнаты.

— А тот главный теперь твой начальник?

Наташа повесила пальто, прошла на кухню и выключила дымящийся тостер.

— В некотором смысле.

— Сочувствую, — сказала Соня и достала из морозилки упаковкупельменей.

Глава 5. Четвёртое крыло

Ракета занимала половину Наташиного стола. За неделю Егор успел выздороветь, пропустить школьный запуск и получить разрешение принести модель на следующее занятие. Теперь он приклеивал к картонному корпусу третье крыло, Лена печатала за соседним компьютером новые графики, а из переговорной доносился голос юриста, который уже десять минут доказывал, что покупатели неправильно понимают слово «ориентировочно».

— Криво, — сказала Наташа, подписывая письмо.

— Где?

— Левое крыло выше правого.

Егор прищурился, повернул ракету и вздохнул.

— Это из-за стола.

— Конечно.

— У нас дома стол ровнее.

— У нас дома ты отказался её доделывать.

Егор отклеил полосу скотча и начал заново. Он должен был провести вечер у Павла, однако за час до конца уроков бывший муж сообщил, что уезжает встречать партнёра в аэропорт. Мария Ивановна была у врача, Соня — на тренировке. Наташа забрала сына и привезла в офис. Через сорок минут ожидалась семья из другого города, прилетевшая подписывать соглашение о временном жилье.

Константин приехал, когда Егор испытывал ракету возле кондиционера. Поток воздуха завалил её набок, бумажный нос смялся.

— Не взлетела, — сказал Костя от двери.

Егор поднял голову.

— Она ещё не готова.

— Тогда испытание проведено рано.

Он снял пальто, отдал его Лене и подошёл к столу. На нём был строгий серый костюм, в руке — кожаная папка. Егор оглядел его с ботинок до седых висков.

— Вы Берестов?

— Константин Андреевич.

— Мама про вас рассказывала.

Наташа медленно положила ручку.

— Егор.

— Что? Я ничего такого.

В глазах Константина появилось веселье.

— А ты Егор. Строишь ракеты и забываешь шапки.

— Один раз забыл.

— Мне сообщили про два.

— Кто?

— Надёжный источник.

Егор подозрительно посмотрел на маму. Костя взял ракету, поставил на стол и присел, чтобы увидеть её на уровне глаз.

— Почему три крыла?

— Четвёртое не помещается.

— На ракете или на листе картона?

— На листе.

— Это разные проблемы.

Он попросил линейку. Егор подал школьную, с отломанным краем. Константин измерил корпус, отметил карандашом четыре точки и показал, как уменьшить каждое крыло на полтора сантиметра. Говорил с ним так же серьёзно, как с прорабом на стройке. Егор слушал, забыв спорить.

Наташа наблюдала поверх ноутбука. Когда Костя поднялся, на колене его брюк осталась белая полоска клея.

— Вы испачкались, — сообщил Егор.

Константин посмотрел вниз.

— Производственная травма.

Наташа протянула ему влажную салфетку.

— Добро пожаловать в клиентский блок.

Он стёр след клея и провёл большим пальцем по её коже.

— Обедала?

— Хотела пообедать.

— Когда?

— До встречи.

— Она через тридцать пять минут.

— Я умею быстро.

Костя посмотрел на контейнер в открытой сумке, потом на Егора.

— Ты обедал?

— В школе была запеканка.

— Не похоже, что ты её съел.

— Я съел хлеб.

Константин достал телефон.

— Что едят люди, которые строят ракеты?

Костя снял часы, положил возле папки и закатал рукава. Егор подтянул ракету к себе, смяв чертежи Наташи картонным крылом. Она вытащила бумаги из-под корпуса и прижала локтем, пока мальчик раздумывал.

— Пиццу, — мгновенно сказал Егор.

— Суп, — одновременно сказала Наташа.

— Закажем оба.

— У меня есть еда.

— Один контейнер на двоих.

— Егор должен был быть у отца.

— Теперь он здесь.

Через двадцать минут привезли куриный суп, пиццу и салат. Константин перенёс еду в маленькую комнату отдыха, нашёл Егору стул повыше и сам разлил суп. Телефон у него звонил дважды. Оба раза он сбросил вызов.

— Вы мамин начальник? — спросил Егор, наматывая сыр с пиццы на вилку.

— В рабочее время.

— А сейчас?

Костя посмотрел на Наташу.

— Обеденный перерыв.

— Это всё равно на работе.

— Справедливое замечание.

Наташа пнула сына носком туфли под столом.

— Ешь.

— Я ем. А вы богатый?

— Егор!

Константин отпил воду.

— На всё, о чём я мечтал в девять лет, теперь хватает.

— А сколько вам было нужно?

— На велосипед.

— Купили?

— В двенадцать. Сам.

— Как?

— Разгружал ящики в магазине у дяди.

— Мама сказала, вы вагоны разгружали.

Костя перевёл взгляд на Наташу. Она почувствовала, как нагреваются щёки.

— Значит, всё-таки рассказывала.

— Только про работу.

— Про сырое мясо тоже, — добавил Егор.

— Спасибо, — сказал Константин.

— Пожалуйста.

На встречу Наташа вошла вовремя. Семья Ковалёвых приехала со взрослой дочерью и папкой документов, перевязанной резинкой. Их аренда заканчивалась через две недели, хозяйка уже нашла новых жильцов. Наташа предложила два варианта квартиры из резервного фонда, организовала просмотр на следующий день и добилась оплаты переезда со стороны застройщика.

Костя почти не вмешивался. Сидел в конце стола, листал договор и один раз задал юристу вопрос о сроке компенсации. Когда Ковалёвы ушли, он закрыл папку.

Юрист Кирилл первым нарушил тишину:

— Переезд за наш счёт в договоре не предусмотрен. Если каждый покупатель начнёт требовать...

— Каждый не начнёт, — сказала Наташа. — У Ковалёвых заканчивается аренда. Они продали квартиру перед первой обещанной датой сдачи, потом дважды продлевали договор с хозяйкой.

— Формально продажа их квартиры к нам отношения не имеет.

Константин поднял взгляд от папки.

— Формально мы получили их деньги и сорвали срок.

— Но если создать прецедент...

— Создадим правила. Наталья даст критерии, вы оформите положение о компенсациях.

Кирилл раскрыл рот, затем закрыл.

— К завтрашнему вечеру, — добавил Костя.

— Это займёт минимум три дня.

— Тогда первый вариант принесёте завтра, итоговый — через три дня. И уберите из писем фразу «покупатель неверно понял». Если наши сотрудники назвали человеку дату, он понял именно то, что мы хотели продать.

Кирилл забрал ноутбук и вышел. Егор, сидевший за стеклом с ракетой, проводил его взглядом.

— Почему второй вариант дешевле для нас? — спросил Костя.

— Квартира принадлежит подрядчику. Он задолжал за материалы, Марина зачтёт аренду в счёт долга.

— Кто договорился?

— Я.

— Когда?

— Пока вы чертили крылья.

Константин медленно кивнул.

— У тебя опасная скорость.

— Для плохих продаж, помнишь?

— Помню всё, что ты говоришь.

В общем зале загудел принтер. Лена принесла на подпись соглашение Ковалёвых и поставила возле Наташи открытую папку. Егор сразу потянулся посмотреть, но Костя развернул документ чистой стороной к нему.

— Там взрослые бумаги, — сказал он.

— Про квартиру?

— Про чужую квартиру.

Егор вернулся к ракете. Наташа проверила адрес, срок и сумму переезда, подписала свой экземпляр. Константин стоял рядом и держал ладонь у неё на спине, пока вернувшийся Кирилл объяснял, какие пункты ещё должен внести вечером.

После встречи комната отдыха осталась завалена коробками из-под пиццы и детскими салфетками. Наташа собирала мусор, Егор относил стаканы к раковине. Костя убрал ноутбук, закатал рукава и молча вытер стол. Его телефон снова звонил, но он ответил только после того, как нашёл крышку от соуса под стулом.

— Ты можешь не убирать, — сказала Наташа.

— Ты тоже.

Они закончили вдвоём. Егор тем временем поставил ракету на подоконник и объявил, что теперь она сохнет.

Егор снял ракету с подоконника.

— Мам, ракета готова.

За окном уже стемнело. Снег, начавшийся после обеда, закрыл машины на парковке тонким белым слоем. Наташа убрала документы в шкаф, проверила окна и помогла Егору надеть куртку.

— Я отвезу, — сказал Константин.

— У меня машина.

— Снег усиливается.

— Моя машина ездит по снегу.

Егор переводил взгляд с одного на другую.

— Можно на большой?

— Предатель, — сказала Наташа.

Костя взял у мальчика ракету.

— У ребёнка развито чувство безопасности.

— У ребёнка развита любовь к кожаным сиденьям.

В итоге «Киа» осталась на парковке. Денис вёл внедорожник, Егор сидел сзади между Наташей и Константином и всю дорогу объяснял систему запуска. Ракету он вёз вертикально, обеими руками прижимая корпус к груди. На поворотах её нос задевал потолок.

— А у вас дети есть? — спросил он, закончив рассказ.

— Нет.

— Почему?

— Егор, — предупредила Наташа.

— Что? Вдруг я тоже не захочу.

Костя поправил картонное крыло, которое упиралось ему в плечо.

— Так сложилось.

— Вы детей не любите?

— Я не люблю всех людей сразу. С детьми то же самое.

— А меня?

Наташа опустила голову.

— Можно я пересяду вперёд?

— Ты задаёшь много вопросов, — сказал Константин. — Ракеты у тебя интересные. Для первого дня этого достаточно.

Егор обдумал сказанное и кивнул.

— Мне с вами тоже интересно.

Денис кашлянул за рулём. Наташа отвернулась к окну, чтобы не рассмеяться.

Возле дома Егор первым выскочил из машины. Костя вышел следом и донёс ракету до подъезда и поднялся с ними на пятый этаж. Дверь открылась раньше, чем Наташа успела достать ключи. Соня стояла на пороге в спортивных брюках, волосы после тренировки ещё были влажными.

— Здравствуйте, — сказала она и посмотрела на Константина.

— Соня, это Константин Андреевич. Константин, моя дочь Софья.

— Очень приятно.

Костя поздоровался с ней и кивнул на спортивную сумку.

— Наташа говорила, что ты играешь в волейбол.

— Да.

— Доигровщик?

Соня удивлённо кивнула.

— Младшая сестра играла за университет. Я видел много матчей.

Егор протиснулся мимо них с ракетой.

— Константин Андреевич придумал четвёртое крыло!

Соня отступила в прихожую, пропуская брата с ракетой.

Константин посмотрел на Наташу. Снег таял на плечах его пальто, на плитке темнели следы от мокрой обуви.

— Я не приглашу тебя сегодня, — тихо сказала она. — Для них и так много нового.

Он поднял ладонь к её лицу, убрал прядь, прилипшую к щеке.

— Понимаю.

— Правда?

— Нет. Но приму.

Наташа улыбнулась.

— Это честнее.

— Позвони, когда уложишь их.

Он поцеловал её возле открытой двери, спокойно и коротко, затем спустился к машине.

Дома Егор продолжил рассказывать про крылья, а Соня ушла сушить волосы. Наташа сняла сапоги, переоделась и поставила разогревать ужин.

— Он строгий? — спросил Егор.

— На работе — да.

— На тебя кричит?

— Никогда.

Через несколько минут Соня вернулась и открыла холодильник.

— У нас сыр закончился.

— Там творог.

— Это вообще другая еда.

За ужином Егор сообщил, что Костя богатый и купил велосипед в двенадцать лет. Соня сказала, что эти сведения плохо сочетаются. Наташа засмеялась и чуть не пролила чай.

Соня потребовала точную версию знакомства. Егор рассказывал сам: как Константин измерял корпус, испачкал брюки клеем и заказал суп. Наташа исправляла только совсем фантастические подробности, вроде личного самолёта, на котором якобы доставили пиццу.

— А он всегда так разговаривает? — спросила Соня.

— Как?

— Будто все уже делают то, что он сказал.

Наташа собрала пустые тарелки и поставила в мойку.

— Почти всегда.

— Ты тоже?

— Иногда сначала спорю.

Егор сообщил, что спорить бессмысленно, потому что четвертое крыло всё равно пришлось сделать меньше. Соня рассмеялась и забрала у него последний кусок хлеба. Наташа стояла у раковины, слушала их и улыбалась в тёмное окно.

— Он теперь будет к нам приходить? — спросил Егор.

— Иногда. Если мы все будем готовы.

— Я готов.

— Ты знаком с ним три часа, — сказала Соня.

— Он знает про ракеты.

— Исчерпывающая проверка.

Егор доел макароны и унёс тарелку в мойку. Вода полилась с таким напором, что брызги долетели до холодильника. Наташа пошла вытирать столешницу, а Соня забрала творог и ушла к себе. Через секунду за стеной снова заиграла музыка. Наташа ещё раз подумала, что сама не знает, станет ли Костя часто приходить.

В половине девятого позвонил Денис. Он пригнал «Киа» с офисной парковки и ждал во дворе с ключами. Наташа спустилась, забрала ключи и спросила, как он теперь уедет.

— За мной приедет служебная машина, — сказал Денис. — Константин Андреевич всё рассчитал.

— Даже не сомневалась.

Она поднялась домой. Егор уже примерял к ракете прозрачный нос из пластиковой бутылки, Соня закрылась в ванной с феном.

После десяти квартира затихла. Егор уснул быстро, оставив ракету на стуле рядом с кроватью. Соня лежала у себя с наушниками и переписывалась с подругой. Наташа приняла душ, надела домашнюю футболку и села на край кровати. Телефон лежал рядом.

Она могла позвонить Константину и проговорить с ним до ночи. Могла открыть книгу, которую третью неделю носила с тумбочки на кухню и обратно. Вместо этого встала, достала из шкафа джинсы и тонкий свитер.

Наташа заглянула к дочери.

— Я съезжу на пару часов. Егор спит, телефон рядом.

Соня кивнула, не выпуская телефон из рук.

— До часу буду.

— Ладно.

Наташа поцеловала дочь в макушку.

Дорога заняла двадцать минут. Наташа сама удивилась, когда остановилась у знакомого дома и написала: «Открой».

Костя встретил её у лифта босиком, в тёмных брюках и расстёгнутой у горла рубашке. Судя по папкам на столе, он работал.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего.

Наташа сняла сапоги, поставила сумку на пол и подошла. Константин провёл ладонями по её рукам, посмотрел в лицо.

— Дети?

— Дома. Соня знает, где я. У меня два часа.

— Два?

— Уже час пятьдесят восемь минут.

Он поцеловал её раньше, чем она успела улыбнуться. Наташа обняла его за шею, почувствовала, как быстро исчезает его привычная осторожность. Костя отступил на шаг, потянул её за собой в гостиную, но она развернула его к стене.

— Сегодня я приехала сама, — сказала она, расстёгивая следующую пуговицу его рубашки.

— Я заметил.

— Тогда не командуй.

Он посмотрел на неё тяжёлым, открытым взглядом и опустил руки.

— Продолжай.

Наташа целовала его медленно, позволяя себе разглядывать и трогать. Сняла с него рубашку, провела губами по шраму на боку. Константин стоял, прижавшись спиной к стене, и ждал, пока она сама решит, чего хочет дальше. Только пальцы выдавали усилие: они несколько раз сжались и разжались возле её талии.

Она расстегнула ремень, провела ладонью ниже живота. Костя шумно выдохнул, но руки не поднял. Наташа улыбнулась у его кожи: после вечеров, когда он выбирал маршрут, столик, машину и время, его неподвижность казалась почти неприличной властью.

— Теперь можно, — прошептала она.

Его ладони сразу легли ей на бёдра. Он поднял Наташу, и она рассмеялась, обхватив его ногами. Константин понёс её в спальню, у двери остановился и поцеловал в шею. Она провела ладонью по затылку, прижимая его рот крепче.

В спальне горела лампа на его стороне кровати. Наташа выключила её сама, оставив свет из гостиной. Потом толкнула Костю на матрас и села сверху. Он смотрел снизу, тяжело дышал, позволяя ей вести.

Она стянула свитер, расстегнула бюстгальтер и бросила его на пол. В его взгляде появилось такое голодное внимание, что Наташа на секунду замерла. Константин поднял руку и провёл кончиками пальцев по груди. Она накрыла его ладонь своей и прижала крепче.

Наташа наклонилась, дала ему поймать сосок губами. Его язык прошёл по чувствительной коже, зубы слегка сжали её, и она качнулась к нему всем телом. Теперь его ладони держали её за талию, однако направление задавала она.

Костя достал из ящика упаковку. Наташа забрала её, сама раскатала презерватив по нему и услышала короткий, сорванный вдох. Прижала ладонь к его животу, удерживая на месте. Мышцы под пальцами напряглись, дыхание снова сорвалось. Наташа нарочно медлила.

Она поднялась на коленях и медленно опустилась на него. Ощущение полноты заставило закрыть глаза. Константин крепче сжал её бёдра. Наташа нашла удобный угол, начала раскачиваться, постепенно ускоряя ритм.

Он следовал за каждым движением. Целовал грудь, гладил живот, иногда подавался навстречу, и тогда Наташа прижимала ладонь к его груди, заставляя снова замереть. Костя подчинялся. От этой игры возбуждение становилось острее; она уже не смущалась ни собственного тела, ни света из открытой двери.

Первой устала она. Ритм сбился, ноги задрожали. Константин поймал её, перевернул на спину и навис над ней.

— Смотри на меня.

Наташа открыла глаза. Он вошёл снова одним медленным движением. Она обвила его ногами, и Костя сразу прибавил. Теперь матрас прогибался под сильными толчками, его ладонь поддерживала её поясницу, губы ловили каждый сорванный вдох.

Она провела пальцами по его щеке, сама подняла бёдра навстречу. Удовольствие накрыло её резко; Наташа прижалась ртом к его плечу, пережидая дрожь. Через несколько движений Константин замер, уткнувшись лицом ей в шею.

Позже Наташа лежала поперёк кровати, положив ноги ему на бёдра. Костя гладил её ступню, иногда целовал пальцы. На тумбочке светился экран телефона: 00:37. Он принёс воду и тарелку с нарезанной грушей, хотя она просила только пить. Наташа съела два кусочка, третьим угостила Костю.

— Ты всегда кормишь женщин ночью? — спросила она.

— Только тех, кто приезжает без предупреждения и устраивает беспорядок.

Она огляделась. На полу лежали её джинсы, его рубашка и одна подушка.

— Ты ещё не видел беспорядка.

— Видел твой стол после сборки ракеты.

— Там научная лаборатория.

— Тогда я спокоен.

— Мне пора, — сказала она.

— Нет.

— В час я обещала быть дома.

— Напиши, что приедешь позже.

— Не буду.

Константин перестал гладить её ногу. Несколько секунд он смотрел на часы, затем сел.

— Отвезу.

— Я на машине.

— Тогда провожу вниз.

Он надел брюки, подал Наташе свитер и нашёл её серьгу под подушкой. В лифте прижал к зеркальной стене, поцеловал и отпустил за секунду до звонка на первом этаже.

— Напишешь из квартиры.

— Ты видел, как я вожу.

— Вот это меня и беспокоит.

Наташа приехала в 00:58. Соня сидела на кухне с кружкой какао и учебником.

— Я думала, ты спишь.

— Алгебра решила иначе.

— Егор?

— Ни разу не проснулся.

Наташа сняла пальто и поставила чайник.

— Спасибо.

— Поможешь с алгеброй? — спросила Соня.

— Сейчас переоденусь.

Телефон завибрировал в кармане. «Дома?»

Наташа отправила Косте фотографию двух кружек на кухонном столе. Потом села напротив дочери и взяла её учебник.

— Показывай, что там у тебя решила алгебра.

Глава 6. Дом в лесу

Константин складывал продукты в тележку так, будто впереди была неделя в загородном доме. Два вида мяса, овощи, сыр, хлеб, упаковка яиц, кофе, вода, ягоды и банка мёда уже заполнили дно. Наташа положила сверху маленький пакет молока.

— Мы едем на сутки.

— Мы вернёмся завтра вечером. Это больше суток.

— На четыре часа.

— За четыре часа человек успевает проголодаться.

— Один человек или конкретно ты?

Костя взял с полки ещё одну бутылку вина.

— Я планирую тебя кормить.

— Мне хватит половины этого магазина.

— Вторую половину заберём в следующий раз.

Он говорил о следующем разе с такой уверенностью, что Наташа остановила ладонь на ручке тележки. Павел забрал детей утром: Егор уехал с ракетой, Соня — с формой на соревнования. Константин появился через десять минут после их отъезда, вошёл в прихожую, снял ботинки и впервые увидел её квартиру днём.

Он успел рассмотреть фотографии на стене, починить расшатавшуюся дверцу кухонного шкафа и выпить кофе из кружки с надписью «Лучшая мама», пока Наташа выбирала вещи. Потом забрал у неё свитер, джинсы и косметичку, уложил всё в одну спортивную сумку и объявил, что готов ждать в машине. Наташа добавила бельё, застегнула молнию, и через пять минут они уже спускались во двор.

На кассе перед ними стояла пожилая пара. Мужчина долго искал карту скидок, женщина ворчала, что он опять положил её в другой карман. Костя ждал спокойно, одной рукой опираясь на тележку. Вторую положил Наташе на поясицу.

Телефон в её сумке зазвонил. Павел прислал фотографию Егора в шлеме для лазертага и написал, что вечером они пойдут в кино. Следом пришло сообщение от Сони: команда выиграла первую игру.

— Соня победила, — сказала Наташа и показала экран.

Константин увеличил фотографию команды.

— Она под третьим номером?

— Под восьмым.

— Я запомню.

Он вернул телефон и начал выкладывать продукты на ленту. Имя Павла осталось на экране. Костя его видел и ничего не спросил.

Дом находился в сорока километрах от города, за сосновым лесом и небольшой деревней. Невысокий, тёмный снаружи, с широкими окнами и деревянной террасой. Дорожку успели расчистить, по краям лежали сугробы, на перилах блестел иней.

— Ты здесь живёшь летом? — спросила Наташа.

— Иногда. Чаше дом пустует.

— Зачем тогда он тебе?

— Купил десять лет назад, когда решил, что взрослому человеку положен загородный дом.

— И как, помогло повзрослеть?

— Нет. Зато есть камин.

В прихожей пахло деревом и холодом. Константин включил отопление, занёс сумки и достал из кладовой тапочки. Наташа сняла сапоги, прошла в гостиную и остановилась возле окна. За стеклом начинался лес. С веток иногда падал снег, и больше ничего не двигалось.

В доме было мало мебели: большой серый диван, длинный стол, книжные полки, кресло возле камина. На стене висела акварель — тот же лес летом, размытый дождём. В нижнем углу стояла подпись «Алина» и год.

— Красиво, — сказала Наташа.

Костя положил дрова у камина.

— Она замечательно рисует.

— Кто?

— Алина. Мы жили вместе.

Наташа посмотрела на подпись ещё раз.

— Здесь?

— И здесь тоже. Почти пять лет.

Он говорил спокойно, не следил за её лицом и не спешил убирать картину. Наташа задержала взгляд на подписи.

— Почему расстались?

— Она открыла студию в Петербурге. Я ездил к ней, она обещала возвращаться. Полгода мы делали вид, что расстояние временное. Потом перестали.

— И картину оставила?

— Подарила дому. Сказала, что в городской квартире она выглядит мрачно.

Костя разжёл огонь, поднялся и оглянулся.

— Тебя это беспокоит?

— Пока я думаю, ревновать ли к акварели.

— Если начнёшь, я перенесу её в кабинет.

— Пусть висит.

Он подошёл, положил ладони ей на бёдра.

— Благодарю.

— Не за что. Я великодушная.

— Уже заметил.

Наташа поцеловала его и почувствовала улыбку на губах.

Они разбирали покупки вместе. Константин занялся мясом, Наташа нашла доску для овощей. На кухне быстро стало тепло. Запотели окна, запах чеснока смешался с дымом из камина. Радио ловило только одну станцию, и старые песни прерывались шорохом.

Костя поставил перед Наташей бокал вина.

— Половину, — попросила она. — Я ещё хочу гулять.

Он налил до середины и убрал бутылку.

— Послушный.

— Запомни этот день.

Она резала помидоры, когда он встал за спиной и коснулся губами шеи. Наташа запрокинула голову, позволила ему расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. Нож остался в её руке.

— Подожди. Я закончу.

Константин сразу отступил и вернулся к плите.

— Жестокая женщина.

— Я спасаю ужин.

— Ужин можно заказать.

— За сорок километров от города?

— За деньги люди способны на многое.

— Например, нарезать салат.

Он взял у неё нож, закончил последние два помидора и всё-таки поцеловал в шею, когда руки Наташи были свободны.

За стол сели поздно. На улице совсем стемнело, в окне отражались огонь и две фигуры рядом. Костя приготовил мясо ровно так, как обещал: внутри оно осталось розовым, сок не вытек на тарелку. Наташа попробовала и подняла брови.

— Ни одного пострадавшего.

— Я тренировался.

— На бывших?

— Ирина предпочитала рыбу. Алина была вегетарианкой первые два года.

— Ирина — ещё одна картина?

— Бывшая жена.

Наташа отложила вилку.

— Ты был женат?

— Четыре года. Развелись двенадцать лет назад.

— Почему ты не сказал?

— Ты не спрашивала. Я расскажу всё, что хочешь знать.

— Она тоже хотела в Петербург?

— Она хотела мужа, который приходит домой раньше полуночи. Я тогда открывал первую компанию и считал, что ещё год работы решит все проблемы. Потом ещё один. К моменту развода мы ужинали вместе реже, чем сейчас с тобой.

— Тяжело разводились?

— Долго. Без войны. Делить было почти нечего, детей не было. Сейчас она замужем, у неё две дочери. Иногда звонит моей маме.

— А вы с Ириной общаетесь?

— Поздравляем друг друга с днём рождения. Прошлой зимой она просила контакт кардиолога для отца.

Наташа отпила вино.

— Алина после неё?

— Через два года. Я сейчас называю только серьёзные отношения. Были и более короткие — до Алины и после. Я не жил монахом, Наташа.

— Я и не надеялась.

— Разочарована?

— Думаю.

Константин отпил вина и ждал, давая ей время разобраться в собственных чувствах. За окном ветер стряхнул снег с крыши, по стеклу прошёл мягкий шорох.

— Ты кого-нибудь из них любил? — спросила Наташа.

— Да.

Простой спокойный ответ задел сильнее, чем удобное отрицание. Она провела пальцем по ножке бокала.

— Обоих?

— По-разному. С Ириной мы были молодыми и очень уверенными, что успеем жить потом. С Алиной я уже понимал цену времени, просто наши жизни разошлись по разным городам.

— Они уходили от тебя?

— С Ириной решение приняли вместе. Алина сказала первой. Я пытался вернуть её месяца три. Ездил каждую неделю, искал помещение под студию здесь. Она уже выбрала свой город.

Наташа представила его в поезде, с телефоном и привычкой решать всё, что мешает. Представила женщину, которая всё равно осталась в Петербурге.

— Ты умеешь отпускать?

Костя посмотрел на неё через стол.

— Когда понимаю, что меня больше не любят.

Телефон рядом с его тарелкой завибрировал. На экране появилось имя Сергея Громова.

Константин выключил звук.

Через минуту звонок повторился.

— Ответь, — сказала Наташа.

Он отложил вилку, принял вызов и включил громкую связь.

— Говори.

Мужской голос звучал хрипло и торопливо:

— Костя, твои люди опять полезли в счета. Так мы не договаривались.

Телефон лежал на столе экраном вверх. Голос Громова перекрывал потрескивание дров.

Наташа отложила вилку и посмотрела на Костю.

— Мы с тобой ни о чём не договаривались.

— Объект встанет. У меня бригады завтра не выйдут.

— Они получают оплату напрямую.

— Ты уничтожишь подряд.

— Подряд уже уничтожен. Двенадцать миллионов ушли компании твоего племянника.

На том конце стало тихо.

— Это аванс за материалы.

— Материалов нет. Накладные поддельные.

— Ты сейчас обвиняешь меня в воровстве?

— Я называю цифры. Обвинение сформулирует следователь, если деньги не вернутся до понедельника.

— У меня есть записи по твоим прежним объектам. Думаешь, один выйдешь чистым?

Константин положил нож на край тарелки.

— Присылай всё, что у тебя есть. Марине, аудиторам, в прокуратуру. Можешь выложить в сеть. А утром передашь пропуска, технику и документы новому подрядчику. Если хоть одна ведомость исчезнет, разговор продолжится уже при адвокатах.

— Ты пожалеешь.

— До девяти утра, Сергей.

Он отключился, написал два сообщения и вернулся к ужину. Лицо стало жёстким, каждое движение — точным. Наташа слышала, как потрескивают дрова и шипит жир на ещё горячей сковородке.

— Это тот подрядчик, которому компания задолжала? — спросила она.

— Его компания получила деньги. До рабочих дошла половина.

— Он правда может что-то опубликовать?

— Возможно.

— И?

— Завтра служба безопасности проверит. Если на старых объектах есть нарушение, исправим. Если он врёт, займутся юристы.

Костя встал, отнёс тарелку к мойке и остановился у окна. Наташа подошла сзади, провела ладонями по его спине.

— Ты сейчас снова будешь работать?

— Нет.

Он повернулся, обнял её и несколько секунд стоял, прижавшись лицом к волосам. Потом взял за руку и увёл в гостиную.

Наташа села на диван. Константин лёг, положил голову ей на колени и закрыл глаза. Она погладила его по волосам, коснулась виска, где седина была гуще. Напряжение уходило мед-

ленно. Сначала расслабилась челюсть, потом плечи. Телефон ещё раз завибрировал на столе, он не пошевелился.

— Ты со всеми женщинами так лежал? — спросила Наташа.

Костя открыл один глаз.

— Началась ревность к живым людям вместо акварели?

— Навожу справки.

— Лежал. Иногда даже спал. Только ни с одной мне не было так спокойно.

— Ужасная распушенность.

— Ты спросила.

Она улыбнулась и продолжила гладить его.

— А ты ревнивый?

— Да.

— Павел написал мне в магазине. Ты даже не спросил зачем.

— Ты показала фотографию детей.

— А если бы не показала?

Константин перевернулся на спину и посмотрел снизу.

— Ты рассказала бы, если бы сообщение имело значение для нас.

— Такая уверенность.

— В тебе — да.

— А в нём?

— Он отец твоих детей. Пока ведёт себя как отец, у меня нет к нему вопросов.

— А если появятся?

— Я задам их ему.

Наташа провела большим пальцем вдоль его брови.

— Мне, значит, не достанется?

Костя поднялся и сел рядом, повернувшись к ней.

— За чужие поступки я спрашиваю с тех, кто их совершает. Тебе я доверяю.

Константин не отвёл взгляд. Наташа потянулась к нему и поцеловала.

Позже они вышли гулять. Снег закончился, над лесом появилось чистое тёмное небо. Костя дал Наташе свои тёплые перчатки, сам спрятал руки в карманы. Дорожка уходила между соснами, фонари стояли далеко друг от друга. Под ногами скрипело.

Они говорили о детях. Константин спросил, как Соня пережила развод. Наташа рассказала про первые месяцы, когда дочь укладывала вещи в рюкзак при каждом споре родителей, боясь, что её внезапно повезут к отцу. Про Егора, который долго спрашивал, где теперь чей дом. Про Павла, исправно платившего деньги и постоянно менявшего планы.

— Он любит их, — сказала Наташа. — Просто уверен, что любовь освобождает от расписания.

— Удобная теория.

— У тебя нет детей. Ты не обязан понимать.

— Я и не утверждаю. Смотрю, как ты успеваешь жить за двоих.

— Иногда не успеваю.

— Тогда звони мне.

— Ты не будешь чинить все шкафы и забирать Егора из школы.

— Шкаф я уже починил.

Наташа рассмеялась. Голос ушёл в тёмный лес, с ветки рядом осыпался снег.

Вернувшись, они пили чай возле камина. Костя открыл ноутбук, проверил письмо от службы безопасности и закрыл. Наташа нашла на полке детектив, устроилась в кресле и поджала под себя ноги. Когда он проходил мимо, пальцы касались её колена или плеча. Потом Константин придвинул второе кресло, устроился боком и положил ладонь ей на щиколотку.

Наташа перевернула страницу, не поднимая глаз. Через несколько минут его большой палец начал двигаться по коже в одном и том же медленном ритме.

В спальне под одеялом было холодно. Наташа легла в свитере, Костя придвинулся и положил ладони ей на талию под шерсть. Его пальцы были тёплыми. Он согревал её медленно, поднимаясь по рёбрам, пока Наташа сама не вытянула руки вверх и не позволила снять свитер.

Константин наклонился к груди, но серьга зацепилась за край подушки. Наташа тихо вскрикнула.

— Подожди.

Костя приподнялся и придержал край подушки. Наташа расстегнула серьгу, положила на тумбочку, вторую отправила следом. Потом повернулась к нему и обняла за шею.

— Теперь.

Он поцеловал её медленнее. Губы прошли по шее, ключицам, груди. Наташа гладила его спину под футболкой, чувствовала, как напрягаются мышцы под ладонями. Сняла с него футболку, прижалась к горячей коже и засмеялась, когда холодные ступни коснулись его ног.

— Ты принесла в постель снег? — спросил Константин.

— Согревай.

Он взялся за дело старательно. Ладонь скользнула между её ног, пальцы нашли чувствительное место и начали двигаться неторопливыми кругами. Наташа прикусила губу, затем отпустила, позволив себе дышать громче. Он смотрел на её лицо, менял нажим, когда она двигалась ему навстречу.

Она потянула его выше и сама достала упаковку из тумбочки. Пока Костя надевал презерватив, Наташа целовала его плечо и проводила языком по шраму. Потом легла на спину и развела колени, приглашая его ближе.

Он вошёл медленно. Наташа подняла бёдра, принимая глубже, провела ногой по его боку. Константин поймал её темп и начал двигаться в том же неспешном ритме.

Через несколько минут Наташа обняла его крепче.

— Сильнее.

Толчки стали глубже. Кровать едва слышно поскрипывала, одеяло сбилось к ногам. Наташа тянулась за его поцелуями, проводила ногтями по спине. Когда одно движение оказалось слишком резким, она коснулась ладонью его груди.

— Медленнее.

Костя сразу замедлился. Его взгляд остался на её лице. Наташа выдохнула, расслабилась под ним, снова потянула ближе. Тогда он продолжил — плавно, глубоко, в новом ритме. Удовольствие собиралось дольше, поднималось волна за волной, пока Наташа не задрожала под ним и не спрятала лицо у его плеча.

Он закончил следом, удерживая вес на руках. Потом лёг рядом и накрыл их одеялом. Наташа устроилась у него на плече, разгорячённая и сонная, а его пальцы перебирали концы её волос.

Ночью Наташа проснулась от жажды и попробовала осторожно выбраться из постели. Константин открыл глаза раньше, чем она нашла край одеяла.

— Куда?

— За водой.

Он поднялся вместе с ней.

— Спи. Я сама.

— Уже проснулся.

На кухне горела подсветка над столешницей. Костя налил воду, дождался, пока она выпьет, и забрал стакан. В коридоре Наташа шла впереди, его ладонь лежала у неё на спине. В спальне он лёг ближе к краю, оставив ей место у стены, и через минуту снова уснул.

* * *

Утро началось поздно. Наташа открыла глаза почти в десять и увидела рядом пустую подушку. Из кухни доносился звон посуды. Она надела рубашку Константина, нашла тапочки и вышла.

Он готовил сырники по рецепту из телефона. Первая партия лежала на тарелке тёмными неровными кругами.

— Это месь за манную кашу? — спросила Наташа.

— Пробная версия.

Она отломила край одного сырника.

— Съедобно.

— Высокая оценка.

— Ещё сметана поможет.

Костя поставил перед ней банку и поцеловал в макушку.

До обеда они оставались дома. Он работал за столом, Наташа продолжила читать детектив и позвонила детям. Егор рассказывал о фильме, Соня жаловалась на судью и обещала вернуться к шести. Павел подтвердил время без споров.

После звонка Наташа собрала чашки и нашла в раковине сковороду после сырников. Константин говорил по телефону у окна, одной рукой перелистывал смету, второй показывал ей оставить посуду. Она всё равно включила воду. Через минуту он подошёл сзади, перекрыл кран и положил губку на край мойки.

— Я закончу.

— Ты работаешь.

— Уже нет.

Он домыл сковороду, вытер стол и вернулся к ноутбуку. Наташа принесла плед из гостиной, накрыла его ноги и устроилась напротив с книгой. В доме стало совсем тихо. Иногда он задавал короткий вопрос в трубку, иногда Наташа переворачивала страницу. Когда чашка у неё опустела, Костя заметил раньше, поднялся и долил чай.

К часу он закрыл компьютер. Они доели холодные сырники прямо из тарелки, стоя у окна, и несколько минут спорили, где заканчивается его участок и начинается лес. Наташа отстаивала сосну с кривой верхушкой. Константин утверждал, что сосна государственная и её придётся оставить.

В половине четвёртого Костя предложил пройти к озеру.

— Не успеем, — сказала Наташа. — Мне надо быть дома до шести.

Он посмотрел на часы.

— Если выедем через двадцать минут, будешь в пять сорок.

— Тогда выходим сейчас. На дороге снег.

Константин убрал ноутбук в сумку и пошёл за вещами.

Они выехали через двенадцать минут. По дороге он один раз остановился на заправке, купил детям по шоколадке и положил пакет Наташе на колени.

— Это подкуп?

— Я знаю, что шоколад любит Егор. Что любит Соня, кроме волейбола?

— Солёные фисташки и чтобы её не считали ребёнком.

Костя вернулся в магазин и через минуту принёс орехи.

— Второе купить не смог.

Возле Наташиного дома часы на панели показывали 17:43. Константин достал сумку, проводил её до подъезда и поцеловал под козырьком.

— Во сколько они приедут?

— Через пятнадцать минут.

— Я могу подождать и познакомиться с Павлом.

— Сегодня не надо.

Ему явно хотелось возразить. Наташа провела пальцами по воротнику его пальто.

— У нас были прекрасные сутки. Я хочу спокойно встретить детей.

Костя наклонился и коснулся лбом её лба.

— Позвони вечером.

— Позвоню.

Он отдал сумку и ушёл к машине.

Павел привёз детей без опоздания. Егор ворвался в квартиру с пластиковым мечом, Соня бросила спортивную сумку в прихожей и сразу спросила, есть ли еда. Наташа сняла с них мокрые куртки, поставила обувь сушиться и разогрела суп.

— Где ты была? — спросил Егор с набитым ртом.

— За городом.

— С Константином Андреевичем?

— Да.

— Там есть ракеты?

— Только камин.

— Скучно.

Соня заметила пакет возле холодильника и достала фисташки.

— Это он купил?

— Он.

— Запомнил быстро.

Наташа сняла со спинки стула свитер, который носила за городом. От шерсти пахло дымом. Она отнесла вещи в спальню, включила стиральную машину и вернулась на кухню, где Егор уже пытался обменять шоколад на половину Сониных фисташек.

Телефон зазвонил, когда они делили последнюю котлету. Константин спрашивал, вернулись ли дети. Наташа включила громкую связь. Егор сразу начал рассказывать про лазертаг, Соня поправляла детали, и ужин растянулся ещё на двадцать минут.

Глава 7. У проходной

В понедельник в семь двенадцать Наташе позвонила Марина.

Наташа стояла у плиты и пыталась одновременно перевернуть сырники, найти Егорову сменку и вспомнить, куда положила подписанное заявление для школы.

— Только не говори, что банк опять передумал.

— Бригады Громова не вышли. Люди собрались у проходной, требуют деньги. На объекте телевидение.

Сырник упал на край сковороды и сложился пополам.

— Откуда телевидение в семь утра?

— Кто-то очень вовремя им позвонил. Константин уже там. Просил тебя приехать в офис к восьми.

— Просил?

Марина помолчала.

— Передал, что к восьми ты должна быть в офисе.

— Так больше похоже.

Соня вошла на кухню, взяла со стола сырник и откусила, не дожидаясь тарелки.

— Что случилось?

— На работе неприятности.

— У тебя или у того главного?

— У компании.

— Значит, у того главного, — решила Соня.

Наташа выключила плиту и достала из шкафа контейнер.

— Егор! Сменка под тумбой в прихожей. Завтрак на столе.

— Я там смотрел!

— Посмотри глазами.

Телефон снова завибрировал. На этот раз пришло сообщение от Константина: «Уже выехала?»

«Через сорок минут буду в офисе».

Ответ появился сразу: «Денис подъедет через пять».

Наташа посмотрела в окно. Её машина стояла у подъезда, покрытая тонкой коркой ночного инея.

«Я сама».

«У проходной журналисты. Денис проведёт через второй въезд».

Она успела набрать «Я могу проехать через второй въезд без Дениса», но стёрла. Костя был на объекте с рассвета и явно видел ситуацию лучше.

«Хорошо».

Через шесть минут у дома остановился тёмный седан. Наташа оставила детям список на холодильнике, поцеловала Егора в макушку, Соню — в щёку и сбежала вниз.

Денис открыл ей заднюю дверь.

— Доброе утро, Наталья Сергеевна.

— Утро пока спорное. Знаете, что там происходит?

— Константин Андреевич с пяти на объекте. Людям Громова должны за два месяца. Сейчас бухгалтерия собирает ведомости.

— Моя машина останется у дома?

— Вечером пригоню, куда скажете.

Она хотела возразить, затем увидела на экране телефона двадцать семь непрочитанных сообщений из рабочего чата и открыла первое.

В офисе горел свет почти во всех окнах. В переговорной сидели юристы, бухгалтерия и двое мужчин из службы безопасности. Марина стояла у экрана с чашкой остывшего кофе. На карте объекта красным были выделены три корпуса.

— Что у нас? — спросила Наташа, снимая пальто.

— Громов вывел аванс через четыре фирмы. Людям за октябрь заплатил частично, за ноябрь — никому. Утром привёз их к проходной и объявил, что Берестов отказался рассчитываться.

— Покупатели уже знают?

— Домовой чат кипит. В девять придёт инициативная группа.

Наташа положила сумку на стул.

— Кто сейчас отвечает на звонки?

— Лена и Оля. Я велела говорить, что готовим официальный комментарий.

— Правильно. Мне нужны суммы прямых выплат рабочим, новый график и фамилия человека, который сегодня отвечает за площадку.

— Новый подрядчик ещё договор не подписал.

— Тогда фамилия того, кто подпишет.

Дверь переговорной открылась. Константин вошёл с Кириллом и незнакомым мужчиной в рабочей куртке. На ботинках засохла светлая глина, под глазами легли тени. Он нашёл Наташу взглядом, задержался на секунду и повернулся к Марине.

— Деньги рабочим уйдут до полудня. Список проверяет безопасность, платим только тем, кто был на площадке. Никаких переводов через Громова.

— Новый подрядчик? — спросила Марина.

Костя указал на мужчину рядом.

— Виктор Савельев. С десяти принимает объект. Техника заходит через северные ворота. Охрана получает распоряжения только от него и от меня.

— Громов требует пустить его в бытовки, — сказал один из сотрудников безопасности.

— Пусть забирает личные вещи при вас. Документы, компьютеры и журналы работ остаются до описи.

— У него договор аренды на два крана.

— Краны арендует его компания, площадка наша. С арендодателем уже говорят юристы.

Он отдавал распоряжения ровно, почти тихо. Люди за столом записывали, перебивали друг друга вопросами, и каждый раз Константин возвращал разговор к решению: фамилия, срок, сумма. Через несколько минут красная схема на экране перестала выглядеть катастрофой. Она стала перечнем дел.

— Клиенты? — спросил он.

Наташа открыла ноутбук.

— В девять встреча с инициативной группой. До встречи мне нужен человек от стройки. Тот, кто назовёт реальные сроки и не станет обещать, что мы всё наверстаем за неделю.

Савельев посмотрел на неё внимательнее.

— Я назову после обхода.

— Обход закончится к десяти. Люди будут здесь в девять.

— Тогда скажу, что знаю к девяти.

— Подойдёт.

Костя опёрся ладонями о стол.

— Официальное сообщение выпускаем после вашей встречи.

— До встречи, — возразила Наташа. — Если промолчим ещё два часа, за нас его напишут в чатах. Коротко: подрядчик отстранён, работы продолжаются, задолженность перед рабочими компания закрывает напрямую. Без фамилий и обвинений, пока юристы не закончат проверку.

Кирилл поднял голову от телефона.

— С последней фразой осторожнее. Могут решить, что мы признаём долг своим.

— Они уже решили, что дом заморожен и денег нет. Выберите, какой слух нам дороже.

Константин посмотрел на юриста.

— Подготовьте формулировку за двадцать минут. Наташа согласует.

Кирилл кивнул.

— Теперь все по местам, — сказал Костя. — В одиннадцать снова здесь.

Стулья задвигались. Савельев вышел первым, за ним потянулись остальные. Константин задержал Марину у двери.

— У неё был завтрак?

Наташа подняла глаза.

— У неё есть имя.

— Я знаю. Был?

— Говорит, успела перехватить один сырник, — ответила Марина и ушла прежде, чем Наташа успела возмутиться.

Костя подошёл. От него пахло морозом, кофе и улицей.

— Я поем после встречи.

— Сейчас.

— В половине восьмого ты распорядился, чтобы я была здесь к восьми.

— Завтрак уже в твоём кабинете.

Он положил ладонь ей на затылок и поцеловал в висок. Это заняло секунду. За стеклом переговорной проходили сотрудники, и Наташа всё равно почувствовала, как теплеют щёки.

— Десять минут, — сказал Константин. — Потом можешь спасать мою компанию.

— Клиентский блок пока спасает только себя.

— Начни с этого.

В её кабинете стояли горячая каша в контейнере, стакан кофе и тарелка с нарезанным яблоком. Наташа открыла крышку, сделала два глотка кофе и одновременно стала править текст для сайта.

Через минуту Костя вернулся, забрал у неё ноутбук и поставил на соседний стол.

— Ты сейчас серьёзно?

— Вполне.

— Мне тридцать семь лет.

— Тогда ты должна уметь за десять минут съесть завтрак.

Он сел напротив, достал телефон и начал отвечать на сообщения. Наташа посмотрела на часы, на кашу, потом на ноутбук вне досягаемости и взяла ложку.

— Доволен?

— Пока нет.

— Ужасный человек.

— Ешь.

К девяти в приёмной собрались семеро покупателей. Трёх Наташа знала: Ковалёвы из третьего корпуса и пожилой мужчина, который каждую пятницу звонил уточнить, установили ли окна на его этаже. Остальные пришли с распечатками из домового чата.

Лена принесла дополнительные стулья, Оля поставила у стены воду. Наташа сняла со стола коробку с завтраком, спрятала под монитор и открыла карту корпусов. Ковалёва держала телефон экраном наружу: на нём было остановленное видео с рабочими у проходной.

— Давайте сначала отделим то, что уже произошло, от того, что написали утром, — сказала Наташа. — Подрядчик сменился. Работы сегодня идут. Деньги рабочим переводят напрямую. Теперь по срокам.

Она раздала распечатки без красивой обложки: номера секций, виды работ, фамилии ответственных. Бумаги зашуршали, люди начали сравнивать свои этажи. Пожилой мужчина надел очки, нашёл строку про окна и ткнул в неё ногтем.

— Здесь пятница. Какая?

— Эта. Если поставка придёт сегодня.

— А если опять не придёт?

— Завтра напишем, что не пришла, и назовём новую дату после разговора с поставщиком.

Он сложил лист и оставил перед собой.

— Нам пишут, что рабочих выгнали, — сказала женщина в короткой дублёнке. — И технику вывозят.

— Техника остаётся на площадке, — ответила Наташа. — Подрядчика меняют. Рабочим сегодня переведут задолженность напрямую.

— А сроки?

— По второму корпусу изменения будут. Сколько именно — скажем после обследования объёма работ. По первому и третьему пока сохраняем график.

— «Пока» — удобное слово.

— Удобнее было бы убрать его и пообещать вам выдачу ключей в срок. Я этого делать не стану.

Разговор шёл почти час. Люди повышали голос, показывали записи из чатов, требовали вывести к ним владельца компании. Наташа отвечала на то, что знала, и записывала вопросы, на которые ответа ещё не было. В половине десятого пришёл Савельев. Он не снял куртку, сел у стены и назвал предварительную задержку: от двух до четырёх недель по одной секции. После этого спор стал предметным.

Когда покупатели ушли, Ковалёва задержалась у двери.

— Если бы вы сказали всё это утром на сайте, мы бы не приехали.

— Утром я ещё не знала про четыре недели.

— Хоть кто-то здесь признаёт, когда чего-то не знает.

Наташа закрыла за ней дверь и прислонилась к ней спиной.

— Хорошая встреча, — сказал Савельев.

— Вы странно понимаете слово «хорошая».

— Никто ничего не разбил. На стройке это уже успех.

К одиннадцати выяснилось, что один из кранов можно оставить, второй придётся заменить. К полудню бухгалтерия перевела деньги сорока двум рабочим. Ещё девять фамилий служба безопасности не нашла ни в пропусках, ни в табелях. В двенадцать пятнадцать Громов вошёл в офис без звонка.

Его пытались остановить у стойки, но он оттолкнул охранника и дошёл до общей зоны, где Наташа разговаривала с менеджерами.

— Берестов где?

— На совещании, — ответила Лена.

— Передай, пусть выйдет. Или мне самому по кабинетам пройти?

Сотрудники замолчали. Громов был крупным, широкоплечим, с красным от мороза лицом. Он говорил громко и явно рассчитывал, что его услышит весь этаж.

— Сергей Викторович, — сказала Наташа, — приёмная справа. Подождите там.

Он повернулся к ней.

— А вы кто?

— Наталья Ларионова, руководитель клиентского блока.

— Вот и занимайтесь клиентами. Мужики два месяца работали, ваш хозяин им сейчас подачки раздаёт.

Наташа почувствовала, как рядом напряглась Лена.

— Деньги получили те, кого ваша бухгалтерия внесла в табели. Остальным сейчас сверяют документы.

— Я с вами обсуждать ничего не собираюсь.

— Тогда проходите в приёмную.

Дверь кабинета Константина открылась.

Он вышел без пиджака, с закатанными до локтей рукавами. Остановился в нескольких шагах от Громова.

— Ты хотел меня видеть.

— Отдай технику и документы.

— Личные вещи тебе выдадут после описи.

— Ты решил меня показательно утопить?

— Ты взял деньги за выполненные работы, вывел часть на фирму племянника и не заплатил людям. Показательную часть ты устроил сам, когда привёз камеры.

— Думаешь, самый умный?

— Думаю, разговор закончен.

Громов шагнул ближе. Охрана двинулась одновременно, но Костя поднял руку, и оба мужчины остановились.

— Ты у меня всё забрал, — процедил Громов.

— У тебя осталась возможность вернуть деньги до того, как материалы уйдут в прокуратуру. До шести вечера.

— А если нет?

— Тогда проверишь, насколько быстро работают мои юристы.

Константин говорил тем же голосом, которым полчаса назад обсуждал аренду крана. Громов смотрел на него ещё несколько секунд, затем резко развернулся и задел плечом стойку. Стакан с ручками упал на пол.

— Проводите, — сказал Костя охране.

Он дождался, пока двери лифта закроются, поднял стакан и поставил на место. Потом посмотрел на сотрудников.

— Через пять минут все возвращаются к работе.

Люди задвигались. Кто-то наклонился за ручками, Лена открыла на мониторе клиентскую базу. Наташа вернулась в кабинет. Руки у неё дрожали, хотя Громов даже не подошёл к ней близко.

Константин вошёл следом и прикрыл дверь.

— Он тебя напугал?

— Скорее разозлил.

— Это я вижу.

Наташа сжала пальцы, спрятала их под столом.

— Ты знал, что он придёт?

— Предполагал.

— И вышел только после того, как он начал орать на меня?

Костя прищурился.

— Я вышел, когда услышал его голос в общей зоне. Если бы он подошёл к тебе ещё на шаг, его вывели бы раньше.

— Я могла ответить сама.

— Ты и ответила.

Он обошёл стол, опустился перед ней на корточки и взял её за руки. Большими пальцами медленно провёл по костяшкам.

— Тебе не обязательно переставать справляться, чтобы я встал рядом.

Наташа хотела сказать, что при всех он не должен сидеть перед ней на корточках. Вместо этого наклонилась и коснулась губами его лба.

— У тебя в шесть заканчивается срок Громова.

— У меня в два совещание на объекте. Поедешь со мной.

Он продолжал держать её руки. Наташа попробовала высвободить правую, чтобы достать телефон, и Константин отпустил только её пальцы. Левая осталась в его тёплой ладони.

— Зачем?

— Покажешь Савельеву квартиры, по которым мы оплачиваем аренду. Он должен понимать, какие работы влияют на людей прямо сейчас.

— Это входит в мои обязанности?

— С этой минуты.

— Опять сам решил?

— Да.

Наташа выдержала его взгляд.

— Тогда внеси в положение об отделе.

Угол его рта дрогнул.

— Внесу.

На стройке дул резкий ветер. Наташа надела выданную каску поверх шапки, застегнула сигнальный жилет и пошла за Савельевым вдоль ограждения. Костя разговаривал у ворот с инженером и догнал их уже в первом корпусе.

Здесь было тише. Пахло бетоном, мокрым деревом и сваркой. На лестнице горела одна временная лампа. Савельев показывал отставание по перегородкам, объяснял, почему второй подъезд нельзя закрыть тепловым контуром до установки недостающих окон.

— Если окна привезут в четверг, когда пустите отделку? — спросила Наташа.

— Через неделю.

— У нас шесть семей должны выйти на приёмку в декабре.

— В декабре они сюда не зайдут.

Константин остановился.

— Почему?

— Громов рисовал проценты. Здесь проводка даже не начата. Я могу поставить людей в две смены, но штукатурить по сырому бетону не буду.

Наташа достала телефон и открыла список.

— Две семьи уже продлили аренду до конца января. У четырёх договоры заканчиваются перед Новым годом.

— Подберём им квартиры ещё на месяц, — сказал Костя.

— Они готовились переехать к праздникам.

— Я понимаю.

— Нет, — вмешался Савельев. — Сейчас важно, чтобы она это сказала. Иначе через неделю кто-нибудь велит мне закрыть стены, лишь бы показать готовность.

Константин посмотрел на него.

— Никто не велит.

— Тогда к концу января сделаю нормально.

Они прошли ещё два этажа. Наташа фотографировала квартиры, записывала номера и к концу обхода почти перестала чувствовать пальцы. На улице Костя снял с себя перчатки и протянул ей.

— У меня есть свои.

— Они промокли.

— А ты?

— Я в машине.

Он сам натянул тёплую перчатку на её правую руку. Наташа позволила надеть вторую.

— Командовать тебе нравится больше, чем дышать.

— Дышать получается само.

В машине он включил обогрев сиденья с её стороны, положил мокрые перчатки к тёплой решётке и только потом открыл на планшете документы. Наташа устроилась глубже. Грязь засохла у края его манжеты, между бровями оставалась складка. Она положила ладонь ему на колено. Константин накрыл её пальцы своими.

Денис медленно вывел машину с площадки. Колёса пробуксовали в рыхлом снегу, за стеклом остались прожекторы и люди в сигнальных жилетах. Наташа сняла каску, волосы прилипли ко лбу. Костя нашёл в кармане салфетку и стёр с её щеки полоску пыли.

— Где испачкалась? — спросила она.

— На лестнице. Ещё здесь.

Он коснулся пальцем подбородка. Наташа отняла салфетку, вытерла сама и тем же краем провела по его манжете. Грязь только размазалась. Константин посмотрел на серое пятно и снова открыл график.

Планшет он листал свободной рукой. Вторую так и не снял с её пальцев.

К шести Громов не вернул деньги. Кирилл отправил заявление и пакет документов. Костя подписал последние бумаги, закрыл папку и впервые за день откинулся на спинку кресла.

К этому времени в общем зале почти погас свет. Лена ушла первой, Оля передала дежурный телефон охране. Наташа закрыла таблицу с компенсациями, собрала мокрые перчатки с батареи и отнесла Константину чашку чая. Он нашёл её на столе только после третьей подписи.

— Холодный, — сказал он, сделав глоток.

— Был горячим сорок минут назад.

Наташа забрала чашку, вылила чай в раковину и заварила новый. Когда вернулась, Костя стоял у шкафа и искал папку, которая лежала у него под рукой. Она молча подняла её со стола. Он взял папку вместе с её пальцами, потянул ближе и на секунду прижался лбом к её животу.

Телефон зазвонил снова. Константин отпустил её, ответил службе безопасности и записал номер регистрации заявления на полях графика. Наташа осталась у окна и ждала, пока он закончит.

Наташа стояла у окна его кабинета и разговаривала с Павлом. Тот напоминал, что в четверг забирает детей до воскресенья, и просил положить Егору форму для секции.

— Я помню, — сказала она. — И ингалятор будет в боковом кармане.

— Он им год не пользовался.

— Пусть будет.

Она закончила звонок и обернулась. Костя наблюдал за ней.

— Что?

— В четверг в семь ужин у Соловьёва. Поедешь со мной.

— Деловой?

— В основном.

— В основном — это сколько?

— Будут банк, инвесторы, новый подрядчик и несколько жён, которые знают о проекте больше мужей.

— И в каком качестве поеду я?

— Руководителя клиентского блока.

Он помолчал.

— И женщины, с которой я хочу провести вечер.

Наташа посмотрела на свой костюм, на высохшую грязь у подола брюк.

— Это ты так просишь?

— Да.

— А если я откажусь?

Константин протянул руку. Когда она подошла, усадил её к себе на колени и обнял за талию.

— Поеду один и буду злиться на себя. Плохо попросил.

Наташа провела пальцем по вороту его рубашки.

— Дети у Павла. Я поеду.

— Хорошо.

Он поцеловал её медленно, уже без оглядки на стеклянную стену. За дверью продолжали звонить телефоны, кто-то быстро прошёл по коридору. Наташа закрыла глаза, положила щёку ему на плечо и перенесла на него вес. Костя крепче сомкнул руки у неё за спиной.

Глава 8. Те, на кого смотрят

В четверг Наташа трижды меняла серьги и каждый раз убеждала себя, что делает это из-за платья.

Платье было тёмно-синим, с закрытыми плечами и узкой юбкой. Она покупала его два года назад на юбилей банка, надела один раз и с тех пор хранила в чехле между зимним пальто и Сониным выпускным платьем из начальной школы. Теперь ткань плотнее обтягивала бёдра. Наташа повернулась боком к зеркалу, втянула живот и тут же рассердилась на себя.

Телефон лежал на кровати экраном вниз. Константин написал полчаса назад: «Буду в семь». До семи оставалось двенадцать минут.

В прихожей Егор спорил с Павлом из-за пакета со спортивной формой.

— У меня завтра отменили физкультуру.

— Тогда привезёшь форму обратно чистой, — сказала Наташа, застёгивая браслет.

Егор увидел её и присвистнул.

— Мам, у тебя свидание?

— У меня деловой ужин.

— В таком платье? — спросила Соня от двери.

— А что с платьем?

— Ничего. Просто это точно свидание.

Павел взял у сына пакет и мельком посмотрел на Наташу.

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо.

Павел сказал это, уже проверяя боковой карман Егорова рюкзака. Наташа поправила рукав платья.

Внизу хлопнула дверь автомобиля.

— Всё, идите. Ингалятор в боковом кармане. Соне дала ключи.

— Я помню, — отозвалась дочь.

Павел пропустил детей на лестницу и задержался.

— В воскресенье к шести?

— Да.

— Хорошего вечера, Наташ.

— Вам хороших выходных.

Когда дверь закрылась, Наташа вернулась к зеркалу. Сняла серьги с синими камнями, снова надела маленькие серебряные кольца и услышала звонок.

Костя стоял на площадке с букетом белых тюльпанов. На нём был чёрный костюм и тёмная рубашка без галстука. Он вошёл, закрыл дверь и несколько секунд молча смотрел на неё.

— Что? — спросила Наташа.

— Иди сюда.

— Мы опоздаем.

— Иди.

Она подошла. Константин поставил цветы на тумбу, обнял её за талию и поцеловал. Его ладонь медленно прошла по спине до молнии платья и остановилась там.

— Если продолжишь, мы точно опоздаем.

— Я уже понял.

Он поцеловал её ещё раз, короче, отступил и подал пальто.

— Тебе нравится? — спросила Наташа, продевая руки в рукава.

— Ты ведь видела моё лицо.

— Решила уточнить.

— Очень нравится.

В машине он держал её за руку. Большой палец двигался по внутренней стороне запястья, и от этого тихого прикосновения ей было труднее дышать, чем от поцелуя в прихожей.

Ужин проходил в отдельном зале ресторана на набережной. За высокими окнами отражались огни, на длинном столе горели низкие свечи. Пришло около двадцати человек. Большинство Наташа видела на совещаниях или знала по переписке. Здесь те же люди называли друг друга по именам, обсуждали лыжи, школы и билеты в театр, прежде чем открыть папки с расчётами.

В гардеробе Наташа не сразу справилась с номерком: перчатки, телефон и маленькая сумка всё время оказывались в одной руке. Костя забрал перчатки, положил себе в карман и поправил тонкую цепочку у неё на шее. Сотрудница гардероба смотрела на них с улыбкой, от которой Наташе стало жарче, чем от тёплого воздуха в холле.

У входа в зал их остановил Соловьёв. Он пожал Наташе руку, представил жену и сразу спросил про семью с заканчивающейся арендой. Наташа назвала адрес временной квартиры и время завтрашнего просмотра. Константин слушал рядом, не дополняя ни одной цифры.

За столом Наташе пришлось несколько раз искать место для сумки: официанты проходили близко, спинки стульев стояли почти вплотную. Костя отодвинул свой стул, повесил сумку на него и придвинул к её ноге. Потом положил салфетку ей на колени, будто делал это каждый вечер.

Первые блюда она почти не заметила. Слева Савельев спорил о сроках поставки окон, справа жена одного из инвесторов рассказывала про школу возле третьего корпуса. Наташа ела маленькими кусками между ответами, а Константин время от времени пододвигал к ней воду и менял пустую тарелку на полную.

Костя представлял её спокойно:

— Наталья Ларионова, ведёт у нас клиентский блок.

Он ни разу не добавил ничего личного. При этом ладонь на её пояснице появлялась всякий раз, когда кто-нибудь подходил слишком близко, а за столом её место оказалось рядом с ним.

Соловьёв, хозяин вечера, поднял бокал за то, что стройка пережила «небольшую кадровую встряску». Савельев сухо заметил, что встряска обойдётся минимум в три недели, и разговор быстро вернулся к графикам.

— Клиенты примут перенос? — спросил один из инвесторов.

— Слово «примут» здесь лишнее, — сказала Наташа. — Они уже заплатили и имеют право требовать срок. Мы предлагаем понятную компенсацию и отдельный график по каждой квартире.

— Компенсация всем?

— Тем, кого задержка касается напрямую. Остальным каждую неделю показываем фактический объём работ.

— Экскурсии на объект?

— Камеры, отчёты, встречи с техническим директором. На экскурсиях через неделю кто-нибудь сломает ногу.

За столом засмеялись. Савельев поднял бокал в её сторону.

— Наконец человек, который не хочет водить покупателей под краном.

Константин повернул к Наташе голову. Угол рта дрогнул. Под столом его пальцы нашли её запястье и один раз сжали, потом он продолжил обсуждать с инвестором кредитную линию.

После горячего гости разошлись небольшими группами. Наташа стояла у окна с минеральной водой, когда рядом раздался женский голос:

— Значит, это вы заставили Костю снова отвечать на сообщения до полуночи.

Наташа обернулась.

Перед ней была высокая светловолосая женщина лет сорока пяти в простом сером платье. Рядом стоял мужчина с седыми висками и двумя бокалами шампанского.

— Ирина, — представилась женщина и улыбнулась. — Бывшая жена. Слово неприятное, человек обычно вполне терпимый.

Наташа на секунду растерялась, потом протянула руку.

— Наталья.

— Я знаю. Костя представил вас так, будто собирался вручить годовой отчёт, и смотрел совсем иначе.

— Ира, — предупредил её спутник.

— Это Алексей, мой муж. Он считает, что бывшие жёны должны разговаривать только о погоде.

— Я считаю, что ты любишь ставить людей в неловкое положение.

— Иногда.

Алексей протянул Наташе второй бокал, но она показала свою воду. Ирина спросила, давно ли она работает с Костей, и почти сразу перешла на историю с Грозовым. Она знала строительный бизнес достаточно, чтобы не задавать пустых вопросов.

— Он опять спал по три часа? — спросила она.

— Наверное. Мне не докладывает.

— Значит, всё хорошо. Раньше докладывал всем, даже тем, кто не спрашивал.

Константин подошёл в тот момент, когда Алексей рассказывал, как Ирина заставила его выбросить из квартиры кресло, купленное, когда они с Костей были женаты.

— Я его ненавидела с первого дня, — сказала Ирина.

— Ты выбирала обивку, — напомнил Костя.

— Мне было двадцать семь. В двадцать семь человеку нельзя доверять бежевую кожу. Он наклонился, поцеловал её в щёку и пожал руку Алексею.

— Как мама? — спросила Ирина.

— Хорошо. В воскресенье звонила, жаловалась, что зелень на подоконнике вытянулась.

— Передай, что лампа стоит у меня в кладовке. Завезём на неделе.

— Она купила новую.

— Конечно купила. А мою будет хранить ещё десять лет.

Ирина положила ладонь на локоть мужа, Константин держал руку на талии Наташи. Разговор перескочил с домашних растений на старое кресло. Наташа перестала держать бокал двумя руками и прислонилась плечом к Косте.

— Рада познакомиться, — сказала Ирина. — И рада за него.

Наташа не нашлась с ответом. Константин посмотрел на бывшую жену.

— Она иногда говорит раньше, чем думает.

— Мне понравилась.

— Ей ты тоже.

— Откуда знаешь?

— Она не спросила, сколько тебе лет и умеешь ли ты готовить.

Наташа рассмеялась.

— А если бы спросила?

— Я бы напомнил ей про кресло.

Соловьёв позвал Костю к столу. Он провёл пальцами по Наташиной спине и ушёл к инвесторам.

Наташа осталась у окна с Ириной и Алексеем ещё на несколько минут. Ирина показала фотографию дочерей, спросила про Соню и быстро запомнила, что та играет доигровщиком. Алексей принёс им по чашке чая и ушёл искать знакомого архитектора.

— Он всегда так держит? — спросила Ирина, едва заметно коснувшись собственной талии.

Наташа посмотрела туда, где Константин стоял у стола. Даже разговаривая с тремя мужчинами, он время от времени находил её взглядом.

— Почти всегда.

— Тогда всё серьёзно.

Ирина сказала это без улыбки и сразу перевела разговор на банк. Наташа не успела ни спросить, ни возразить. К ним подошёл Савельев с женой, начался спор о камерах на стройке, и следующие десять минут Наташа объясняла, почему покупателям нужны отчёты по секциям, а не общий процент готовности дома.

— Не ожидал увидеть вас здесь, — сказал Андрей Власов.

Представитель банка подошёл с двумя чашками кофе и одну протянул Наташе.

— Почему?

— Обычно Берестов на такие ужины приезжает один.

— Сегодня обсуждают клиентов. Меня и позвали.

— Разумеется.

Власов улыбнулся. В переговорной он казался моложе и жёстче. Сейчас снял галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и слушал её с вниманием, которого раньше не проявлял.

— Ваш список льготных случаев банк согласовал, — сказал он. — Тридцать одна семья сохраняет прежнюю ставку.

— Я видела письмо. По остальным двенадцати ещё нет решения.

— Обсудим завтра.

— В десять у нас звонок.

— Я имел в виду без юристов и протокола. За кофе.

Наташа подняла чашку, которую он только что ей принёс.

— Мы уже за кофе.

— Здесь Берестов следит за каждой цифрой. С вами было бы проще договориться отдельно.

— Если предложение хорошее, оно выдержит присутствие Константина Андреевича.

Власов тихо рассмеялся.

— Вы всегда такая серьёзная?

— В вопросах чужой ипотеки — да.

Он придвинулся на полшага. Наташа решила, что в зале стало слишком шумно.

— Тогда можно начать с темы, к которой банк отношения не имеет. Например, куда вы уезжаете на выходные.

— Никуда. Дети вернутся в воскресенье.

— До воскресенья ещё два вечера.

Тёплая ладонь легла Наташе на талию.

— Андрей, — произнёс Костя, — ты хотел обсудить ипотечные соглашения. Я освободился.

Власов выпрямился.

— Мы как раз говорили о двенадцати семьях.

— Последняя фраза была про выходные.

Голос Константина оставался спокойным. Он смотрел на Власова без улыбки, и тот первым отвёл взгляд.

— Отвлеклись. Бывает.

— Со мной реже.

Костя забрал у Наташи чашку и поставил на подоконник.

— Соловьёв ждёт тебя у стола.

— Конечно.

Власов ушёл. Наташа проводила его взглядом и повернулась к Константину.

— Зачем ты отправил его к Соловьёву?

— Чтобы он отошёл от тебя.

За стеклом официант менял свечи на подоконниках. Музыка из зала почти не доходила до коридора; слышались только звон посуды и тихое шипение кофемашины. Костя снял с плеч Наташи шаль, поправил складку на платье и задержал ладонь на талии.

— Он всего лишь говорил о работе.

— Сначала.

— Потом о выходных.

— Именно.

— Люди иногда спрашивают друг друга о выходных.

— Наташа, он принёс тебе кофе, забыл про ипотеку и выяснял, когда ты останешься без детей.

Она посмотрела в сторону Власова. Тот уже разговаривал с Соловьёвым, держа руки в карманах.

— Ты преувеличиваешь.

— Нет.

— И злишься.

— Да.

— На меня?

Константин повернул её к себе. Его пальцы лежали на талии поверх гладкой ткани платья.

— Никогда из-за чужого взгляда.

— Тогда на него?

— Пока только начинаю.

— Он ничего не сделал.

— Вот я пока и сдерживаюсь.

Наташа хотела усмехнуться, но его лицо оставалось серьёзным.

— Ты правда ревнуешь?

— Очень.

— Меня?

Он медленно выдохнул.

— Кого же ещё?

— Не знаю. Ирину, например. Она красивая.

— Ирина замужем за Алексеем двенадцать лет.

— Это я уже поняла.

— А ты стояла здесь с мужчиной, который хотел пригласить тебя на свидание.

— Он не приглашал.

— Не успел.

С другого конца зала их позвали фотографироваться. Костя не сразу отпустил Наташу. Провёл костяшками пальцев по её щеке, взял за руку и повёл к остальным.

До конца вечера Власов больше не подходил. Константин разговаривал с ним дважды: коротко, по делу. Когда тот собрался уходить, они пожали друг другу руки и договорились о звонке в десять. Наташа стояла у окна и следила, как Костя отпускает его ладонь, сразу открывает письмо на телефоне и показывает Соловьёву одну из банковских цифр. Только жёсткая складка возле рта напоминала о разговоре в коридоре.

К одиннадцати свечи догорели почти до стекла. Наташа сняла туфлю под столом и осторожно поставила ступню на холодный пол. Константин продолжал говорить с Соловьёвым, но через минуту наклонился к ней.

— Больно?

— Просто устала.

Он нашёл под столом туфлю, подал и придержал её за пятку, пока Наташа обувалась. Потом принёс из гардероба пальто раньше остальных и сам застегнул пуговицы. Её перчатки всё ещё лежали у него в кармане; одну Костя натянул ей на руку, вторую она забрала и надела сама.

В холле их снова остановили. Наташа договорилась с женой Савельева отправить контакты волейбольной секции, попрощалась с Ириной и только у дверей заметила, что Константин держит её сумку. На улице он открыл машину, включил обогрев и дождался, пока она устроится на сиденье.

В машине Костя расстегнул пиджак и ослабил ворот рубашки. Наташа сняла туфли, подбрала ноги на сиденье и повернулась к нему.

Денис выехал с набережной и включил тише музыку. Наташа поставила туфли на коврик, разгладила ладонями юбку. Она сняла перчатки и протянула их Константину. Он снова спрятал их в карман.

— У тебя мои вещи, — сказала она.

— Значит, не уйдёшь далеко.

Он подал ей бутылку воды, открыл крышку и дождался, пока Наташа сделает несколько глотков. Только после этого снова посмотрел в окно, где Власов садился в подъехавшее такси.

— Ты весь вечер следил за Власовым?

— Нет. Он весь вечер следил за тобой.

— За мной?

Костя прикрыл глаза и покачал головой.

— Что?

— Ты единственная в том зале этого не заметила.

— Он раньше со мной разговаривал как с лишним стулом.

— Раньше ты спорила с ним в переговорной и была в застёгнутом до горла жакете.

— Значит, дело в платье.

— Платье ему помогло. Увидел он тебя.

Наташа провела ладонью по юбке, разглаживая складку.

— Мне трудно поверить, что мужчины вообще так на меня смотрят.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Мне тридцать семь. Двое детей, работа, ипотека, вечная сумка с чеками и пластырями. Я много лет была человеком, который помнит, когда купить стиральный порошок. Такие женщины обычно стоят рядом с теми, на кого смотрят.

Константин открыл глаза.

— Посмотри на меня.

Наташа подняла на него глаза.

— Ты правда думаешь, что я единственный мужчина, который тебя заметил?

Наташа хотела ответить шуткой. Не получилось.

— Я до сих пор не понимаю, почему ты заметил.

Складка между его бровями стала глубже. Костя отвёл взгляд к окну, потом снова посмотрел на неё.

— Вот это меня и злит.

— Что именно?

— Что тебя годами убеждали исчезнуть. И ты поверила.

— Никто меня не убеждал.

— Значит, слишком долго смотрели мимо.

Машина остановилась на светофоре. Константин наклонился и поцеловал её. Медленно, глубоко, не обращая внимания на Дениса впереди и свет витрин за окном. Наташа положила ладонь ему на грудь. Под тканью рубашки ровно билось сердце.

— Я тебя вижу, — сказал он у её губ. — Привыкай.

Они подъехали к её дому около полуночи. Наташа ожидала, что он попросит пригласить его подняться. Квартира была пустой, впереди оставались два дня без детей, и она уже представляла его пальто на вешалке.

Костя вышел из машины, проводил её до подъезда и остановился у двери.

— Ты не зайдёшь?

— В пять мне нужно быть на площадке.

— Снова?

— Завтра ставят новый кран. Потом непрерывная заливка. Савельев хочет закончить перекрытие до смены погоды.

Наташа посмотрела на его лицо. Теперь, под ярким светом подъезда, стали заметны тени под глазами.

— Тебе надо спать.

— Надо.

Он коснулся её шеи, провёл большим пальцем под ухом.

— Вот почему я сейчас уеду.

— Разумное решение.

— Ненавижу разумные решения.

Наташа улыбнулась и потянула его к себе за ворот рубашки. Поцелуй получился долгим. Константин прижал её к двери, провёл ладонью по бедру, замер и тихо выругался.

— Ещё минута, — сказала она.

— Уже лишняя.

Он отступил, поправил её пальто и нажал кнопку домофона.

— Дошла — напиши.

— До пятого этажа?

— Да.

— Это очень опасный путь.

— Наташа.

— Напишу.

В квартире она сняла пальто, поставила тюльпаны в высокий кувшин и прошла в спальню. Перед зеркалом задержалась, провела пальцами по нижней губе и не стала сразу снимать платье.

Пустая квартира звучала непривычно. Не работал телевизор у Егора, из ванной не доносила музыка Сони. Наташа позвонила детям. Павел показал на секунду их общий стол: сын строил башню из стаканов, дочь спорила с кем-то в переписке. Оба махнули маме и вернулись к своим делам.

Наташа сняла серьги, положила на тумбочку и прошла босиком на кухню. На столе остался утренний список продуктов. Она вычеркнула молоко, дописала корм для соседской кошки, которую обещала проверить утром, и только потом рассмеялась: деловое платье, поздний ужин, чужие взгляды — а рука всё равно выводила привычные домашние пункты.

Она смыла макияж, снова посмотрела на себя без помады и вернулась к тюльпанам. Один стебель оказался слишком длинным. Наташа подрезала его кухонными ножницами и только тогда услышала вибрацию телефона в спальне.

«Дошла?»

Наташа сфотографировала тюльпаны на кухонном столе и отправила ему.

«Да. Спасибо».

Ответ пришёл, когда она расстёгивала браслет.

«За цветы?»

Она посмотрела на своё отражение ещё раз.

«За то, что видишь».

Костя долго ничего не писал. Потом на экране появилась одна строка:

«Как тебя можно не увидеть?»

Глава 9. Три сухих дня

В пять сорок восемь Наташа проснулась от дождя. Капли били в подоконник, по стеклу стекали широкие тёмные полосы. Она потянулась к телефону и увидела три сообщения из рабочего чата.

Кран не прошёл под линией электропередачи у северного въезда. Машину пришлось разворачивать. Заливку, назначенную на шесть, перенесли. В домовом чате уже появилась фотография уходящей техники с подписью: «Новый подрядчик сбежал через четыре дня».

Наташа села на кровати и набрала Савельева.

— Сбежали? — спросила вместо приветствия.

— Очень хотим, — ответил он. — Кран заведём с востока, там надо снять секцию забора. Бетон держу на заводе. Берестов здесь.

— С пяти?

— Раньше. Кажется, он вообще не уезжал.

Она вспомнила тени под его глазами, поцелуй у подъезда и посмотрела на время последнего сообщения от него. В два семнадцать он прислал фотографию схемы въезда и написал инженеру: «Проверить радиус».

Наташа позвонила Константину.

Он ответил после первого гудка.

— Проснулась?

— Ты спал?

— Почти нет.

— Где?

— В машине.

На фоне зазвучал мужской голос, потом хлопнула дверь.

— Почему кран разворачивают?

— Уже не разворачивают. Заходит с востока.

— В чатах фотография, что он уехал.

— Удали.

— Из чужого домового чата?

— Тогда объясни.

— Мне нужны фото с восточного въезда и точное время начала заливки.

— Через десять минут пришло.

Он замолчал. Наташа услышала, как кто-то зовёт его по имени.

— Спи, — сказал Костя. — До восьми ещё два часа.

— Я уже проснулась.

— Тогда выпей кофе и приезжай к восьми. Раньше здесь тебе делать нечего.

Связь оборвалась.

Она приняла душ, собрала волосы и на кухне обнаружила вчерашние тюльпаны. Белые головки раскрылись за ночь. Рядом стояли две чистые кружки, хотя дома никого не было. Наташа взяла одну, а вторую убрала в шкаф.

К семи Константин прислал видео: кран медленно входил в снятую секцию ограждения, Савельев махал водителю, рабочие раскладывали под колёса плиты. Следом пришло сообщение: «Заливка в 8:30. К вечеру закончим».

Наташа отправила видео в чат покупателей с коротким пояснением. Через несколько минут под ним появились первые спокойные ответы.

В офисе день начался с восьми звонков подряд. Клиенты спрашивали, правда ли сменился подрядчик, задержат ли ключи, кто компенсирует аренду. Наташа распределила списки

между Леной и Олей, согласовала текст еженедельного отчёта и дважды созвонилась с Савельевым.

К девяти на её столе лежали три версии одного сообщения. Юристы убрали слово «задержка», строители просили не называть дату, бухгалтерия возражала против обещания компенсаций. Наташа вернула в текст и срок, и прямую фразу про смену подрядчика.

— Если люди увидят уходящий кран, они всё равно спросят, — сказала она Кириллу. — Лучше ответ уже будет рядом.

Оля принимала звонки у окна, поправляя микрофон гарнитуры. Лена распечатывала поэтажные графики и раскладывала их по корпусам. Принтер дважды зажевал бумагу. Наташа вытащила смятый лист, испачкала пальцы тонером и продолжила диктовать ответы.

В 9:43 Савельев прислал фотографию первой бадьи над перекрытием. Наташа добавила её в отчёт без обработки: мокрый бетон, люди в касках, серое небо и время в углу кадра. Под фотографией написала номер участка и то, что должны закончить к вечеру.

В десять банк отказался сохранить ставку последним двенадцати семьям. Андрей Власов говорил сухо, обращался к ней только по имени-отчеству и закончил звонок ровно через двадцать минут. Наташа сняла гарнитуру и посмотрела на Марину.

— Кажется, вчера я испортила нам переговоры.

— Вчера ты очаровывала инвесторов. Переговоры испортил Берестов, когда смотрел на Власова как на недоделанную стену.

— Он сегодня вполне профессионален.

— Значит, хочет жить.

Наташа подавила улыбку и открыла расчёты. К полудню они нашли резерв, который позволял компенсировать разницу по шести договорам. Ещё для трёх подходила региональная программа, о которой банк почему-то не упомянул. Остались три семьи.

Костя позвонил в двенадцать сорок.

— Как банк?

— Отказал.

— Власов?

— Был безупречно вежлив.

— Сколько остаётся закрыть?

— Три семьи. Я отправила тебе таблицу.

— Видел. Закрывай из резерва.

— Там почти два миллиона.

— Я умею считать.

— Тогда объясни инвесторам.

— Объясню.

За его голосом гудела техника.

— Ты ел? — спросила Наташа.

— Да.

— Что?

Он задержался на секунду.

— Кофе.

— Это напиток.

— Наташа, у меня сейчас две минуты.

— Потрать одну на бутерброд.

— Приедешь — проследишь.

— Куда?

— На площадку. В четыре встреча с инициативной группой. Я хочу провести её возле первого корпуса, чтобы люди увидели работу.

- Под краном?
- В безопасной зоне. Савельев уже десять раз напомнил про каски.
- Я буду в половине четвёртого.
- Денис заберёт.
- У меня машина.
- Вечером она тебе не понадобится.
- Почему?
- Потому что поедешь со мной.

Он прикрыл микрофон ладонью. В трубке остался гул техники и чей-то далёкий окрик. Константин коротко ответил кому-то рядом и снова вернулся к телефону.

Несколько секунд в трубке слышалось его дыхание и гул техники. Потом связь оборвалась, прежде чем Наташа успела спросить куда.

В половине четвёртого дождь сменился мокрым снегом. Денис ждал у входа с её каской на заднем сиденье. На площадке работали прожекторы. Стрела крана двигалась над первым корпусом, бетононасос гудел у перекрытия. У ворот Наташу встретил инженер и провёл по ограждённой дорожке.

Костя стоял возле бытовки с Савельевым. Пиджак он оставил где-то в машине, волосы намокли, на тёмном свитере блестели капли. В одной руке держал рацию, в другой телефон. Увидев Наташу, протянул ей рацию.

- Подержи.

Он расстегнул её пальто, поправил перекрутившийся ремень жилета и застегнул обратно до подбородка.

- Я сама могла.
- Могла.
- Ты весь мокрый.
- Через двадцать минут переоденусь.
- И поешь.
- Это уже заговор.
- Савельев усмехнулся.
- Я ей сразу поверил.

В бытовке на столе лежали нетронутые контейнеры с обедом. Наташа открыла один, нашла вилку и поставила перед Константином.

- Пять минут.

Он посмотрел на неё снизу вверх.

- Командовать тебе нравится больше, чем дышать, — сказала она его словами.
- Плохо влияю.
- Ешь.

Костя взял вилку. Первые несколько кусков проглотил, одновременно слушая Савельева. Потом отложил телефон экраном вниз и за три минуты доел всё до конца.

- Довольна?
- Пока нет.
- Он поймал её за руку, притянул и быстро поцеловал в губы.
- Через десять минут люди придут, — напомнила Наташа.
- У нас ещё девять.
- У тебя глаза закрываются.
- Наблюдательная.
- Ночью надо спать в кровати.
- Сегодня покажешь как.

Взгляд, которым он это сказал, заставил её замолчать. Усталость никуда не исчезла. Под ней жило напряжение, густое и горячее, и Наташа вдруг вспомнила его ладонь на своём бедре у подъезда.

Савельев демонстративно уставился в планшет.

— Девять минут закончились, — объявил он.

Встреча с покупателями прошла под навесом у первого корпуса. Константин говорил о деньгах и сроках, Савельев — о работах. Наташа раздала людям поэтажный график и список ответственных. Несколько человек возмущались, один мужчина требовал показать договор с новым подрядчиком. Костя отдал ему свой экземпляр, дождался, пока тот дочитает страницу с банковской гарантией, и спокойно забрал обратно.

— А если этот тоже уйдёт? — спросила женщина в красной шапке.

— Найду следующего, — ответил Константин.

— И так до бесконечности?

— До готового дома.

Женщина в красной шапке опустила телефон. Мужчина, спрашивавший о договоре, сложил график и убрал его в папку. Вопросы стали короче, люди начали записывать даты из графика. За их спинами кран перенёс очередную бадью к первому корпусу.

После встречи она осталась в бытовке разбирать вопросы.

Покупатели ушли не сразу. Пожилой мужчина вернулся за забытым зонтом, женщина в красной шапке попросила ещё раз показать свою секцию. Наташа стояла у плана, пока на улице темнело, и отмечала маркером этажи, по которым требовались отдельные ответы.

Когда дверь закрылась за последним человеком, в бытовке остались грязные бахилы, пустые стаканы и запах мокрой одежды. Наташа собрала бумаги, подписала фотографии по номерам квартир и отправила Лене. Константин сидел у стены на складном стуле, говорил с лабораторией и время от времени закрывал глаза между фразами.

Савельев принёс им чай в железных кружках. Костя сделал глоток, поставил свою на подоконник и забыл. Наташа пододвинула кружку обратно к его руке. Он поймал её пальцы, сжал и продолжил слушать доклад инженера. В шесть закрыли последний участок перекрытия. В семь лаборатория подтвердила качество первой пробы. В половине восьмого Савельев принёс новый график и положил его перед Костей.

— До конца января, как говорил. Если погода даст три сухих дня, выиграем неделю.

— Планируй без подарков от погоды.

— Уже.

Константин подписал график. Ручка на секунду замерла в его пальцах. Он прикрыл глаза, открыл и дописал фамилию.

— Всё, — сказал Савельев. — Уезжай. Ты мне здесь уже мешаешь.

— Охрана на восточном въезде?

— Стоит.

— Бетон накрыли?

— Я двадцать лет строю, Берестов.

— Я и спрашиваю один раз.

Савельев забрал график.

— Накрыли. Завтра в семь пришлю фото. До семи не звони.

Костя поднялся. Наташа заметила, как он опёрся ладонью о край стола, пока надевал пальто.

— Денис ждёт? — спросила она.

— Да.

— Хорошо. Сам ты сегодня никуда не поедешь.

— Я и не собирался.

Они вышли в темноту. Снег перестал, воздух пах мокрым бетоном. По пустой площадке гудел один генератор. Константин положил ладонь Наташе на спину и повёл к машине. Шёл ровно, только медленнее обычного.

На заднем сиденье он откинул голову и закрыл глаза. Наташа сняла с него перчатки. Пальцы были холодными, на костяшке правой руки темнела свежая царапина.

— Откуда?

— Забор снимали.

— Ты лично?

— Сначала лично объяснял, как быстро его снять. Потом стало проще помочь.

Она провела большим пальцем рядом с царапиной.

— Куда мы едем?

Костя, не открывая глаз, переплёл их пальцы.

— Ко мне.

— Тебе надо лечь и спать.

— Так и сделаю.

— Тогда зачем тебе я?

Он открыл глаза. В полумраке машины они казались почти чёрными.

— Потому что без тебя я сегодня не усну.

До его дома ехали сорок минут. Первые десять Константин отвечал на звонки. Потом отдал телефон Наташе, попросил отключить звук и снова закрыл глаза. На поворотах его плечо касалось её плеча. Несколько раз голова тяжело опускалась, он просыпался и сильнее сжимал её руку.

— Положи голову, — сказала Наташа.

— Куда?

— На меня.

Он сдвинулся ниже и устроился виском у неё на плече. Дыхание стало глубже. Наташа осторожно провела пальцами по его волосам. Через несколько минут голова тяжело съехала ей на грудь, губы приоткрылись.

У дома Денис открыл дверь. Костя проснулся сразу, вышел и подал Наташе руку.

— Машину Натальи Сергеевны утром к девяти, — сказал он.

— Понял.

— Я к восьми сама приеду в офис, — возразила Наташа.

— К девяти. Мы оба поспим.

Он продолжал держать её пальцы, растирая их между ладонями.

— У меня планёрка.

— Перенесёшь на час. Я отвезу.

Она посмотрела на него. В свете фонаря лицо было бледным, глаза покраснели.

— Только потому, что нам обоим надо спать.

— Я это и сказал.

Денис спрятал улыбку и сел за руль.

В лифте Константин прислонился затылком к зеркальной стене. Наташа встала рядом.

— Ты сейчас уснёшь стоя.

— Нет.

Двери открылись. Он достал ключи, дважды не попал в замок и раздражённо выдохнул. Наташа накрыла его руку своей.

— Дай мне.

Костя повернул голову. Несколько секунд смотрел на неё, затем открыл дверь с первой попытки.

В прихожей было темно. Наташа шагнула к выключателю, но он поймал её за талию и притянул к себе.

Поцелуй оказался жадным, почти резким. Она упёрлась ладонями ему в грудь от неожиданности. Константин замер на одно короткое мгновение. Наташа почувствовала, как под её руками быстро бьётся его сердце, подняла лицо и сама поцеловала его.

Он ответил сразу.

Ключи упали на тумбу. Костя снял с неё пальто, отбросил своё на пол и прижал Наташу спиной к стене. Его губы прошли по щеке к шее. Он целовал сильно, оставляя горячие следы, тянул вниз ворот блузки. Щетина царапала кожу.

— Ты едва глаза держишь открытыми, — выдохнула она.

— Сейчас держу.

Его рука скользнула под юбку. Наташа раздвинула ноги, впуская его ближе. Ладонь легла между бёдер поверх белья, надавила точно, и она шумно вдохнула.

— Вот так, — сказал Константин ей в шею.

Он двигал пальцами быстро, без привычной неторопливости. Наташа чувствовала через тонкую ткань каждое движение. Тело откликнулось почти сразу, ещё помня вчерашний поцелуй и весь день под его взглядом. Она расстегнула его ремень. Пряжка звякнула, пальцы запутались в пуговице.

— Помоги, — потребовала Наташа.

Костя накрыл её руку, одним движением справился с застёжкой и снова поцеловал. Она обхватила его шею, провела ногой по его бедру. Он подхватил её под колено и прижал теснее. Теперь между ними мешала одежда, и это раздражало обоих.

Наташа выскользнула из его рук, взяла за край свитера и потянула вверх. Константин позволил стащить его через голову. Рубашку она расстёгивала сама, торопясь, пропустила пуговицу и дёрнула ткань. Он коротко рассмеялся.

— Не смейся.

— Боюсь.

— Правильно.

Она поцеловала его в грудь. Кожа пахла дождём и тёплой тканью. Под её губами напряглись мышцы живота. Костя провёл пальцами по её волосам, собрал их в ладонь и поднял ей лицо.

— Наташа.

В одном её имени прозвучало столько голода, что по спине прошла дрожь.

Он развернул её, расстегнул юбку и стянул вместе с бельём. Наташа шагнула из одежды и осталась в блузке и чулках. Константин смотрел на неё, тяжело дыша. Усталость делала его движения чуть менее точными и совсем не уменьшала желания.

Она протянула руку и провела по твёрдой длине через ткань брюк.

— Всё ещё хочешь спать?

Он перехватил её ладонь, прижал к себе сильнее.

— Очень.

— Не похоже.

Костя подхватил её за бёдра и посадил на широкую тумбу у стены. Наташа обняла его ногами. Его пальцы скользнули по внутренней стороне бедра, вошли в неё. Она уже была влажной; от двух быстрых движений внутри свело живот.

— Ближе, — сказала Наташа.

Он вынул пальцы, освободился от одежды и встал между её коленями. Она сама направила его, притянула к себе ногами.

Константин вошёл одним глубоким движением.

Наташа запрокинула голову и ударилась затылком о стену. Он сразу подложил ладонь, смягчая следующий толчок. Второй рукой держал её за бедро. Темп почти сразу стал быстрым. Тумба тихо стучала о стену, блузка натянулась на груди, его дыхание обжигало ей губы.

Пальцы Кости двигались быстро, поцелуи обрывались короткими вдохами. Он не отступал от неё даже затем, чтобы снять рубашку; Наташа сама стянула ткань с его плеч.

Наташа сильнее сжала его ногами. На сдержанный стон ответила движением бёдер, держась за его плечи и сама задавая встречный ритм.

— Сильнее, — сказала она.

Константин прижал её к себе и изменил угол. Теперь каждое движение отзывалось внутри ярче. Наташа застонала, уткнулась ему в шею, почувствовала на губах солёную кожу. Его пальцы крепче сжали её бедро.

— Смотри на меня.

Она подняла глаза. Зрачки Кости были расширены, губы приоткрыты. На виске блестел пот. Он смотрел на неё, не моргая.

Наташа провела рукой между их телами, коснулась себя. Константин проследил за движением, замедлился лишь настолько, чтобы помочь. Его большой палец лёг поверх её пальцев, нажал сильнее. Напряжение быстро собиралось внизу живота.

— Не останавливайся, — попросила она.

Он не остановился.

Оргазм накрыл её резко. Наташа прикусила его плечо, чтобы не закричать, тело сжалось вокруг него. Костя удержал её, сделал ещё несколько глубоких движений и замер. Его руки дрогнули. Он спрятал лицо у неё на шее, тяжело выдыхая.

Несколько секунд они оставались неподвижны. Потом Наташа почувствовала, что край тумбы давит на бёдра, а стена холодит спину сквозь блузку.

— У тебя кровать в двадцати шагах, — сказала она.

— Далеко.

— Я заметила.

Константин тихо рассмеялся, поднял голову и поцеловал её. Теперь мягко. Провёл губами по месту на шее, которое недавно целовал слишком сильно, и коснулся ладонью её затылка.

— Ударилась?

— Затылком.

Он ощупал затылок пальцами.

— Больно?

— Уже нет.

Костя помог ей встать, поднял с пола юбку и бельё. Брюки застегнул со второй попытки. Наташа смотрела, как он наклоняется за свитером, и заметила, что глаза снова закрываются.

— Всё. В кровать.

— Командуешь?

— Пользуюсь служебным положением.

Она взяла его за руку и повела в спальню. Константин дошёл до кровати, сел и притянул её между коленей. Расстегнул оставшиеся пуговицы блузки, снял с неё одежду, медленно провёл ладонями по талии.

Наташа ждала нового поцелуя. Он прижался губами к её животу и остался так, обняв за бёдра.

— Костя?

Он поднял голову.

Это имя вырвалось впервые. Наташа сама его услышала и смутилась. Костя смотрел на неё несколько секунд, потом снова поцеловал в живот.

— Ещё раз скажи.

— Тебе спать надо.

— Наташа.

Она коснулась его волос.

— Костя.

Он закрыл глаза. Улыбка появилась на секунду и сделала его неожиданно молодым.

Они легли поверх покрывала. Константин положил голову ей на грудь, обнял поперёк талии. Наташа накрыла их одеялом и провела пальцами по его спине. Под ладонью постепенно отпусало напряжение.

— Ты же ещё в машине засыпал, — сказала она.

— Теперь можно.

— Почему раньше было нельзя?

— Тебя рядом не было.

Она хотела спросить, шутит ли он. Дыхание уже стало ровным. Костя уснул, не отпустив её.

Наташа лежала в темноте и слушала дождь, снова начавшийся за окном. Телефон вибрировал в прихожей, где остались их ключи и одежда. Константин во сне сильнее прижал ладонь к её талии. Наташа подтянула одеяло ему на плечо и обняла.

Глава 10. Выше синяков

Наташа проснулась оттого, что в спальне стало светло.

Шторы остались раздвинутыми, и серое зимнее утро лежало на полу, на кресле с брошенной одеждой, на обнажённом плече Константина. Он спал поперёк кровати, положив голову ей на грудь. Одна рука по-прежнему обнимала её за талию, пальцы скрывались под краем одеяла.

Телефон в прихожей больше не звонил. Наташа повернула голову к часам и увидела 8:17.

Она осторожно провела ладонью по его волосам. Костя не шевельнулся. Даже дыхание не изменилось. Впервые он не проснулся от её движения.

Наташа попробовала выбраться. Рука на талии стала тяжелее, но это было сонное, бессознательное движение. Она приподняла её, сдвинулась к краю кровати и поставила ноги на пол.

Тело отозвалось сразу. Тянуло внутреннюю сторону бёдер, ныла поясница, затылок напомнил о стене. Наташа задержалась на краю, переждала и поднялась.

В ванной яркий свет оказался беспощаднее спальни. На шее темнел след от поцелуя. Выше бедра проступили четыре синеватых пятна, ещё одно — у края талии. Наташа коснулась их кончиками пальцев. Кожа была чувствительной.

В памяти вернулась прихожая: холодная стена, его голос у самого уха, собственные руки, торопливо расстёгивающие рубашку. Никакого испуга в воспоминании не было. Она помнила свою просьбу, его сорванное дыхание и ясное чувство, что в тот момент они хотели одного и того же.

Она включила душ.

Когда Наташа вернулась в спальню в рубашке Константина, он уже сидел на кровати. Волосы растрёпаны, глаза после сна ещё тёмные. В руке её телефон.

— Марина звонила, — сказал он.

— Ты ответил?

— Нет. Разбудить тебя хотел.

— И вместо этого взял телефон?

Он протянул ей аппарат.

— Он лежал на полу и вибрировал.

Наташа посмотрела на экран. Три пропущенных, последнее сообщение: «Планёрку поставила на девять тридцать. Берестов велел дать тебе поспать».

— Ты всё-таки перенёс мою планёрку.

— Марина перенесла.

— По твоему распоряжению.

Костя взял её за свободную руку и притянул между коленей.

— Ты легла после десяти. В восемь от тебя не было бы пользы.

— Решать это должна я.

— Решай. Вернуть на восемь уже поздно.

Наташа хотела рассердиться. Его ладони лежали у неё на бёдрах, большой палец медленно гладил кожу сквозь рубашку. Он смотрел снизу, сонный и всё ещё вымотанный.

— Больше мои планёрки не трогаешь.

— Договорились.

— Так быстро?

— Ты всё равно их перенесёшь, когда снова будешь спать четыре часа.

— Самоуверенный.

— Отдохнувший.

Константин потянул её ближе. Ладонь поднялась по боку и остановилась там, где под тканью оставались следы его пальцев. Наташа невольно задержала дыхание.

Он почувствовал. Убрал руку, поднял край рубашки.
Улыбка исчезла.

Костя провёл пальцем рядом с первым синяком, почти не касаясь кожи. Потом увидел остальные. Плечи напряглись.

— Больно?

Наташа не стала отвечать привычным «уже нет».

— Чувствуется.

Он поднялся и повернул её к свету. Ладонь легла ниже талии, осторожная, совсем другая, чем ночью.

— Где ещё?

— Костя, я сама просила сильнее.

— Я слышал. Где ещё?

Наташа посмотрела на его руки. Вчера эти пальцы сжимали её бёдра так, что она просила ещё. Сейчас Константин держал край рубашки двумя пальцами, боясь задеть кожу. Большой палец дрогнул возле самого тёмного следа и остановился.

Костя ждал. Пальцы удерживали край рубашки, взгляд переходил от одного следа к другому.

Наташа коснулась затылка.

— Здесь, когда ударились. И бёдра тянет.

Он отвёл её руку и сам осторожно ощупал место удара.

— Тошнота? Голова кружится?

— Нет. Там даже шишки нет.

— Сядь.

Константин сказал это тихо и не отпустил её руку, пока Наташа устраивалась на краю кровати. В ванной открывались шкафчики. Через минуту он вернулся с аптечкой и небольшим тюбиком.

— Откуда у тебя это?

— После тренировки иногда пригождается.

Он согрел крем между пальцами и нанёс на первый синяк. Медленно, почти невесомо. Наташа наблюдала за его лицом. Между бровями появилась глубокая складка, челюсть была напряжена.

— Не надо смотреть так, — сказала она.

— Как?

— Будто произошло что-то страшное.

— Страшного не произошло.

Он перешёл к следующему следу.

— Но тебе больно.

Наташа не нашла, что возразить. Костя закончил, вытер пальцы салфеткой и уже собирался опустить рубашку. Она поймала его ладонь и вернула себе на талию.

— Не убирай.

Он замер. Потом обнял её обеими руками и прижался лбом к животу. Наташа провела пальцами по его волосам. Константин не поднимал головы. Она продолжала гладить, пока напряжённые плечи понемногу не опустились.

Первой отстранилась она.

— В девять тридцать у меня планёрка.

— В девять двадцать будем в офисе.

— Мне надо переодеться.

— Денис привезёт вещи.

— Нет. Мы заедем ко мне.

Костя поднял голову.

— Потеряем двадцать минут.

— Моя планёрка. Моё время.

Он поцеловал её чуть выше колена и встал.

— Тогда выезжаем через десять.

На кухне Константин налил ей воды и поставил стакан прямо в руку. Пока Наташа пила, достал из холодильника сыр, отрезал два куска и один подал ей.

— Это завтрак?

— Это десять минут.

Он ел стоя возле столешницы. Наташа опиралась бедром о край стола и наблюдала, как Костя проверяет телефон, застёгивает часы и одновременно следит, допила ли она воду. Когда она поставила пустой стакан, он провёл ладонью по её спине и подал пальто.

Наташа улыбнулась.

— Учишься.

— Приспосабливаюсь.

До её дома ехали молча. Константин держал её руку на коробке передач и большим пальцем проводил по костяшкам. Возле подъезда не торопился, поднялся вместе с ней и ждал на кухне, пока она переодевалась.

Когда Наташа вышла в брюках и светлой блузке, на столе стоял кофе. Костя застегнул верхнюю пуговицу её пальто и поцеловал в висок.

— Вечером заберу.

— Дети у Павла до завтра.

— Я помню.

— И никаких объектов.

— Мы будем дома.

В офис они вошли в 9:28. Марина сидела во главе стола, рядом лежала стопка распечатанных графиков.

— Две минуты в запасе, — сказала она. — Берестов, выйди. Это планёрка клиентского блока.

Константин посмотрел на Наташу.

— Она права.

— Предательство до первого кофе.

Он сжал её пальцы, отпустил и вышел.

Планёрка заняла почти два часа. Наташа распределила обращения по корпусам, ввела ежедневный отчёт по временным квартирам и отдала Оле переговоры с тремя семьями, которым банк отказал последними. Лена впервые получила право самостоятельно согласовывать компенсацию за аренду в пределах утверждённой суммы.

— Если юристы снова попросят ждать три дня? — спросила Лена.

— Звонишь мне. Если я не отвечаю, принимаешь решение сама и ставишь меня в копию.

— А если ошибусь?

— Исправим. Пока мы боимся ошибиться, люди платят за две квартиры.

В половине двенадцатого к Наташе в кабинет вошёл Кирилл с новой редакцией соглашения. Он положил перед Наташей восемь страниц, сел напротив и сразу открыл последнюю.

— Юристы банка добавили отказ от дальнейших претензий после выплаты компенсации.

— Убираем.

— Тогда они не подпишут.

— Подпишут другое. Компенсация за аренду не освобождает нас от ответственности за недостатки квартиры.

— Наталья, нам надо закрыть хотя бы эту часть риска.

— За счёт покупателей?

— За счёт формулировки, которую половина из них не прочтёт.

Она закрыла документ.

— Вот почему её там не будет.

Кирилл откинулся на стуле.

— Это решение на два миллиона. Мне нужно подтверждение Берестова.

Дверь за его спиной открылась. Костя вошёл с телефоном в руке, остановился возле Наташи и положил ладонь ей на плечо.

— Какое подтверждение?

Кирилл объяснил. Константин не забрал документ и не попросил показать цифры. Его пальцы медленно прошли по Наташиной шее.

— Клиентский блок она ведёт сама.

— Два миллиона относятся ко всей компании.

— Тогда согласуй сумму со мной. Текст — с Натальей.

Кирилл посмотрел на них обоих, забрал распечатку и поднялся.

— Иногда мне кажется, что вы специально усложняете мне работу.

— Только важную её часть, — ответила Наташа.

Когда дверь закрылась, Костя наклонился и коснулся губами её виска.

— Покажешь текст перед отправкой?

— Если попрошу совета.

— Жестокий руководитель.

— Ты сам меня назначил.

— Я горжусь своим решением.

Константин сел на край её стола и потянулся к закрытой коробке с салатом.

— Это моё, — сказала Наташа.

— Ты его не открывала.

— Потому что работаю.

Он снял крышку, нашёл в ящике вилку и подал ей. Наташа взяла несколько листьев, продолжая читать письмо на экране. Костя дождался, пока она прожует, и снова протянул коробку.

— Ты решил меня кормить?

— Уже второй час лежит.

Наташа хотела встать за водой, но неприятно потянуло бедро. Она задержалась ладонью на столе. Константин сразу поставил коробку и опустился перед ней.

— Сильнее?

— Просто долго сидела.

Он положил руки на её колени, мягко провёл по внешней стороне бёдер. Прикосновение остановилось раньше синяков.

— Я принесу воду.

— Костя, у меня ноги работают.

— Вижу.

Он всё равно принёс бутылку, открутил крышку и поставил возле клавиатуры. Потом забрал из коробки помидор, поцеловал Наташу в висок и ушёл. На пороге обернулся.

— Съешь всё.

Наташа бросила в него салфетку. Дверь успела закрыться, салфетка упала возле порога.

Следом заглянула Марина и положила перед Наташей проект приказа.

— Подпишешь в понедельник. Зарплата и команда — как договаривались.

Наташа пролистала две страницы. В документе не было ни одной формулировки, которую Костя мог изменить без неё.

— Спасибо.

— Себе скажи. Он хотел оформить всё вчера.

— Знаю.

— Но не оформил.

Наташа посмотрела через стекло. Константин разговаривал с Савельевым у макета, одной рукой держал телефон, второй делал пометки на плане. Почувствовал её взгляд и обернулся. На секунду всё вокруг исчезло: сотрудники, звонки, красные отметки на схеме. Он просто увидел её и улыбнулся.

После обеда она съездила на встречу с банком без него. Власов был подчёркнуто деловым и ни разу не задержал взгляд дольше необходимого. Из двенадцати семей банк согласился сохранить ставку девяти. По оставшимся трём Наташа предложила разделить компенсацию между банком и застройщиком.

В переговорной банка было холодно от кондиционера. Наташа не сняла жакет и держала ладони вокруг бумажного стакана. Перед каждым участником лежала её таблица; напротив трёх фамилий стояли красные суммы.

Власов пытался перенести решение на кредитный комитет. Наташа открыла календарь платежей и показала дату ближайшей аренды. Семья должна была перечислить деньги через четыре дня. Ещё одна уже заняла сумму у родственников.

— Я могу написать им сегодня, что банк рассматривает вопрос, — сказала она. — Но завтра они спросят, что изменилось. Давайте изменим хотя бы цифру.

После короткого звонка руководителю Власов предложил разделить одну компенсацию пополам и две — пропорционально остатку кредита. Наташа пересчитала прямо на полях, попросила округлить суммы в пользу семей и только тогда закрыла папку.

— Берестов одобрил? — спросил Власов.

— Предложение моё. Если банк согласится, я принесу его Константину.

— Вы быстро освоились в новой должности.

— Я давно делаю эту работу.

В банковском холле пахло кофе и мокрым камнем. Наташа застегнула пальто, поправила сумку и остановилась возле стеклянных дверей: после двух часов за столом снова тянуло бедро.

Телефон завибрировал.

«Закончили?» — написал Костя.

«Да. Еду в офис».

«Денис у входа».

Чёрная машина стояла под козырьком. Денис открыл заднюю дверь, на сиденье лежал небольшой пакет из аптеки. Внутри оказался такой же крем, которым утром пользовался Константин, и упаковка обезболивающего.

— Он просил передать?

— Попросил купить.

Наташа убрала пакет в сумку.

— А если я скажу, что мне ничего не нужно?

Денис закрыл дверь.

— Тогда я скажу, что передал.

В дороге Наташа достала тубик, прочла инструкцию и положила обратно. Возле офиса Костя ждал на ступенях. Она подняла пакет, показывая, что получила. Он коснулся ладонью её щеки, взял сумку и повёл внутрь.

Константин просмотрел её таблицу уже в офисе, кивнул и попросил бухгалтерию подготовить расчёт по трём оставшимся семьям.

В шесть Костя ждал у её кабинета. Пиджак висел на сгибе руки, галстука не было. Он вошёл, взял сумку и, пока Наташа закрывала ноутбук, положил ладонь ей на шею.

— Ты уже отправила письмо в банк?

— Через двадцать минут. Осталось проверить цифры.

Константин наклонился и поцеловал её.

— Руководитель клиентского блока.

— Именно.

В машине он не открывал ноутбук. Держал Наташину руку у себя на бедре и иногда подносил пальцы к губам. В квартире сразу снял с неё пальто, провёл ладонями по плечам.

— Устала?

— Да.

— Я тоже.

— Прекрасный вечер обещает быть.

— Именно такой мне и нужен.

В прихожей Наташа нагнулась расстегнуть сапоги и поморщилась от натянувшейся кожи на бедре. Костя сразу оказался рядом. Опустился на одно колено, снял сначала один сапог, потом второй и поставил их к стене.

— Я сама умею.

— Вижу.

Он провёл ладонями по её икрам, поднялся и поцеловал в живот через блузку. Наташа запустила пальцы ему в волосы. Константин задержался так на несколько секунд, потом забрал у неё сумку и понёс в спальню.

Они заказали еду из маленького грузинского ресторана. Пока ждали, Наташа приняла душ и надела его футболку. Костя переоделся в домашние брюки, открыл ноутбук на кухне и успел провести короткое совещание с Савельевым.

Курьер опоздал на двадцать минут. Наташа нашла в холодильнике сыр, нарезала тонкими ломтиками и положила на одну тарелку с виноградом. Константин продолжал слушать Савельева, но руку протянул сразу, как только она поставила еду рядом. Наташа ударила его по пальцам и подвинула тарелку ближе.

— Сначала закончи.

Он выключил микрофон.

— Я слушаю.

— И жуёшь в ухо всему совещанию.

Костя всё-таки дождался конца звонка. Потом забрал у неё последний ломтик сыра, протянул за край футболки и посадил рядом. Еду привезли, когда Наташа уже читала ему сообщения детей вслух, а он держал ладонь у неё на колене и отвечал на письма второй рукой.

Павел прислал фотографию детей из кинотеатра. Егор держал ведро попкорна размером с собственную голову, Соня закрывала лицо ладонью. Наташа рассмеялась и позвонила им по видеосвязи.

— Мам, папа купил четыре билета случайно, — сообщил Егор. — У нас свободное кресло.

— Посадите туда попкорн.

— Он уже у меня.

Соня отобрала телефон и пожаловалась, что фильм выбрал брат. Константин стоял у холодильника, наливал воду и не подходил к экрану. Только когда Егор спросил, закончили ли заливку, ответил из кухни:

— Закончили. Утром проверят бетон.

— А ракету помните?

— Помню.

— Я лампочку хочу сделать.

— Сначала нарисуй схему.

— Ладно.

Костя вернулся к ноутбуку. Наташа повернула экран обратно к себе, ещё несколько минут слушала спор о фильме, пожелала детям спокойной ночи и отключилась.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За то, что не стараешься им понравиться.

Он поднял глаза от экрана.

— Они твои дети. Я буду рядом столько, сколько им и тебе удобно.

— А если неудобно?

— Тогда буду ждать тебя здесь.

Константин произнёс это без обиды. Протянул руку, и Наташа подошла сама. Он обнял её, прижался лицом к животу и несколько секунд просто держал.

Ужинали на диване, поставив коробки на низкий стол. Наташа выбрала фильм, который оба перестали смотреть через двадцать минут. Она открыла книгу, Костя вернулся к письмам.

Через некоторое время он лёг, устроив голову у неё на коленях. Одной рукой продолжал листать документ на планшете, второй держал Наташу за щиколотку.

— Так удобно работать? — спросила она.

— Очень.

— Мне неудобно переворачивать страницы.

Он сдвинулся на несколько сантиметров.

— Теперь?

— Терпимо.

Наташа читала, иногда запускала пальцы в его волосы. Константин отвечал на письма. Из кухни доносился шум холодильника. Когда Наташа переворачивала страницу, его пальцы на её щиколотке тоже двигались.

Ближе к полуночи он закрыл планшет, повернулся лицом к её животу и поцеловал через ткань футболки. Ладонь скользнула по ноге, остановилась выше колена. Наташа почувствовала, как тело отвечает, но вместе с желанием вернулась тянущая боль.

Костя поднял взгляд. Пальцы на бедре остановились. Он перевёл руку ей на талию и снова положил голову на колени.

Наташа коснулась его щеки.

— Ты не обиделся?

— На что?

— Не знаю.

— Я хотел тебя рядом. Ты рядом.

Он закрыл глаза. Через несколько минут дыхание стало ровным.

Наташа продолжала перебирать его волосы. Через несколько минут книга соскользнула с коленей на диван, но Константин даже не открыл глаза.

Она разбудила Костю только затем, чтобы дойти до спальни.

В кровати он снова положил ладонь ей на талию, теперь выше синяков. Наташа повернулась к нему лицом.

— Ты всё ещё думаешь о них?

— Да.

— Я тоже чувствую.

Константин провёл пальцами по её щеке.

— Завтра станет легче.

— А если нет?

— Буду мазать снова.

— Очень романтично.

— Другого сейчас не обещаю.

Она придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Его рука сомкнулась вокруг неё, тёплая и осторожная. Наташа заснула раньше него.

Глава 11. Я тоже смотрю

В воскресенье детей вернул Павел. Наташа встретила их дома одна: Константин уехал на объект рано утром, поцеловал её сонную и обещал позвонить после обеда.

Егор привёз две машинки, пакет грязной одежды и убеждение, что лазертаг должен стать олимпийским видом спорта. Соня вошла следом, бросила спортивную сумку у стены и спросила, есть ли что-нибудь кроме супа.

— Есть макароны.

— Уже лучше.

Павел занёс рюкзак Егора и поставил в прихожей.

— В следующие выходные не смогу. У нас выезд.

— У Сони соревнования, всё равно никуда бы не уехала.

— Я мог бы забрать Егора среди недели.

— Договорись с ним.

Егор, услышав своё имя, выглянул из комнаты.

— В среду у меня ракета.

— Значит, в четверг, — сказал Павел.

— В четверг английский.

— Тогда потом решим.

Он поцеловал детей, кивнул Наташе и ушёл. Никакого допроса о четверге, платье или Косте. Наташа была ему благодарна за эту обычность.

Весь день прошёл в стирке, уроках и разговорах одновременно. Соня рассказала, что тренер переставил её на другую позицию. Егор переделывал крепление ракеты по схеме Константина. Наташа готовила обед, проверяла рабочую почту и дважды отвечала на звонки покупателей.

К обеду сушилка стояла посреди комнаты, на кровати лежали раскрытые учебники, а в духовке подгорала курица. Наташа выключила звук на рабочем телефоне, перевернула куски и вернулась к Сониной презентации. Дочь спорила с формулировкой на титульном слайде, Егор рядом проверял лампочку от батарейки и каждый раз ослеплял их короткой вспышкой.

— Ещё раз включишь над столом — ракета полетит с балкона без запуска, — предупредила Соня.

Егор ушёл испытывать её в коридор. Через минуту оттуда раздался удар, затем осторожное: «Ничего не случилось». Наташа даже не встала, только попросила принести всё, что упало. Сын вернулся с ракетой, тапком и фотографией в рамке.

После обеда они вместе убрали квартиру. Соня пылесосила, Егор носил вещи по комнатам, Наташа меняла постельное бельё и слушала голосовое от Оли. В нём покупатель третьего корпуса требовал выдать ключи хотя бы от кладовой. Наташа записала ответ у окна, пока дети спорили, чья очередь выносить мусор.

К четырём дома стало тише. Егор сел рисовать новую схему, Соня ушла в душ. Наташа налила чай, впервые за день опустила на стул и именно тогда увидела входящий звонок Кости.

— Вернулись?

— Утром. Егор уже разобрал половину ракеты.

— Зачем?

— Совершенствует.

— Опасное слово.

На заднем плане кто-то позвал его к крану. Костя прикрыл микрофон, ответил и снова вернулся к ней.

— Вечером приеду.

Наташа посмотрела на кухню: на столе лежали учебники, у раковины стояла посуда, из комнаты доносился спор детей из-за зарядки.

— Сегодня не надо. Я соскучилась по ним.

Несколько секунд он молчал.

— Совсем нельзя тебя увидеть?

В трубке шуршала рация. Константин прикрыл микрофон, ответил кому-то и снова вернулся к разговору.

— Сегодня нельзя, — повторила Наташа.

— Тогда позвони, когда они уснут.

— Позвоню.

— Поешь сама.

— Уже командуешь на расстоянии?

— Напоминаю человеку, который сегодня опять живёт за троих.

— Иди к своему крану.

— Целую.

Он отключился. Наташа ещё несколько секунд держала телефон возле уха.

В девять Егор заснул поверх одеяла. Соня сидела на кухне, переписывала конспект и ела яблоко. Наташа поставила рядом чай, поцеловала дочь в макушку и ушла в спальню звонить Косте.

Он ответил по видеосвязи. Сидел дома на диване в чёрной футболке, ноутбук стоял на коленях.

— Покажи квартиру, — потребовала Наташа.

— Зачем?

— Проверяю, не устроил ли ты вечеринку.

Константин медленно повернул телефон. Пустая гостиная, коробка с едой, один бокал воды.

— Ужасное веселье, — признала она.

— Приезжай, спасёшь.

— Завтра.

— Во сколько?

— После работы. Если Павел заберёт Егора на английский.

— Если не заберёт?

— Приеду позже.

— Я могу забрать тебя после английского.

— Мы справимся сами.

— Я знаю.

Он положил ноутбук рядом, вытянулся на диване и поправил подушку под головой.

— Что у Сони с позицией?

Наташа рассказала. Потом про новую учительницу Егора, про пустой холодильник, про покупателя, который отправил ей восемь одинаковых фотографий стены. Костя слушал, иногда улыбался, задавал короткие вопросы.

Они проговорили почти час. Когда Наташа начала зевать, он провёл пальцем по её изображению на экране — от виска к щеке.

— Спи.

— Ты тоже.

— Завтра будешь здесь.

— Буду.

* * *

Утро понедельника началось с забытого Егором доклада. Наташа обнаружила флешку возле чайника, когда сын уже застёгивал куртку. Пришлось отправлять файл классной руководительнице, искать сменку и одновременно слушать сообщение Марины о семье из второго корпуса, отказавшейся от временной квартиры.

Файл оказался назван «доклад новый точно последний». Почта не принимала вложение из-за размера фотографий. Наташа сжала их прямо с телефона, отправила ссылкой и велела Егору проверить у учительницы до первого урока.

Соня стояла у зеркала в прихожей и заплетала волосы. Сменка всё это время лежала у неё под спортивной сумкой. Она молча подняла пакет двумя пальцами. Егор забрал и сообщил, что сам именно там ещё не смотрел.

Дети вышли, дверь закрылась, и в квартире стало слишком тихо. Наташа собрала со стола крошки, выключила чайник, нашла возле тарелки батарейку от ракеты и сунула в карман. Только в машине вспомнила, что так и не выпила кофе.

«Я опоздаю», — написала она Косте.

Телефон сразу завибрировал. Константин прислал фотографию двух стаканов кофе на столе в приёмной.

«Один остынет».

«Пей оба».

«Тогда буду говорить на планёрке быстрее всех».

Наташа приехала через двадцать минут. Костя ждал возле стойки в приёмной, разговаривал с Савельевым и держал стакан с её кофе. Увидев её, закончил разговор, протянул стакан и наклонился к губам.

— Люди смотрят, — сказала Наташа.

— Пусть привыкают.

— Я не хочу, чтобы мой отдел привыкал к поцелуям руководства по утрам.

— Тогда зайдём в кабинет.

Он сказал это совершенно серьёзно. Наташа рассмеялась и отступила.

— У меня семья из второго корпуса.

— Я знаю. Марина рассказала.

— И?

— И ничего. Ты решишь.

Константин провёл большим пальцем по её запястью и ушёл к лифту.

Семья приехала втроём: родители и девочка лет семи с розовым рюкзаком. От предложенной квартиры они отказались из-за школы — временное жильё находилось в другом районе, дорога занимала больше часа.

— Нам сказали, других вариантов нет, — говорил отец. — Жена после операции, ребёнка возить некому. Мы лучше снимем сами, но за эти деньги здесь ничего не найдёшь.

Наташа открыла карту и список квартир подрядчика. В соседнем квартале оставалась однокомнатная, которую берегли для экстренного переселения.

— Она меньше вашей будущей квартиры и без балкона. До школы семь минут пешком.

— Нам хватит.

— Тогда оформляем на два месяца. Если дом не сдадут, продлим.

— Вы можете это решить?

Ещё неделю назад Наташа пошла бы к Марине или Косте. Сейчас она открыла форму согласования и поставила свою фамилию.

— Могу.

Девочка всё это время рисовала на обороте рекламного буклета. Перед уходом оставила рисунок на столе: высокий дом, три человека у подъезда и солнце размером с крышу.

На рисунке у дома было девять окон, и каждое девочка раскрасила другим цветом. Наташа нашла в ящике кусок прозрачной ленты, прикрепила лист к стене и расправила загнутый угол. Родители уже одевались у двери. Мама девочки вернулась, молча обняла дочь за плечи и ещё раз поблагодарила.

После них в кабинете остались крошки от детского печенья и розовый фломастер. Наташа убрала со стула салфетки, поставила фломастер в стакан с ручками и отправила Марине номер выбранной квартиры.

Константин увидел его после обеда. Вошёл без стука, закрыл дверь и подошёл сзади. Ладони легли ей на плечи.

— Что решила?

— Отдала резервную квартиру.

— На сколько?

— Пока на два месяца.

— Значит, резервной больше нет.

— Найдём следующую, если понадобится.

Он несколько секунд смотрел на рисунок, потом поцеловал Наташу в макушку.

— Найдём.

Наташа накрыла одну его руку своей. Костя перевернул ладонь, переплёл их пальцы и снова посмотрел на рисунок.

Вечером Наташа приехала к нему сама. Оставила «Киа» во дворе, поднялась с пакетом продуктов и своим ноутбуком. Константин открыл дверь раньше, чем она позвонила.

— Ты следил через камеру?

— Услышал лифт.

Он забрал пакет, притянул её за талию и поцеловал. Долго, без приветствия. Наташа прижалась к нему всем телом и только через минуту вспомнила, что за спиной осталась открытая дверь.

— Соседи, — сказала она.

— Переживут.

Костя закрыл дверь ногой.

Они готовили ужин вместе. Наташа резала овощи, он стоял у плиты. Каждый раз, проходя за её спиной, касался талии или шеи. Иногда задерживался на несколько секунд, целовал в волосы и снова возвращался к сковороде.

После ужина Наташа открыла рабочую таблицу. Константин сел напротив с телефоном. Через десять минут его ладонь легла поверх её пальцев.

— Ты считаешь мою зарплату? — спросила она.

— Нет. Смотрю, сколько тебе оставили на компенсации.

— Не смотри.

Он перевернул её ладонь, поцеловал и отпустил её руку.

— Не смотрю.

Наташа закончила расчёт сама. Когда отправила письмо Марине, Костя уже лежал на диване с закрытыми глазами. Она устроилась рядом, положила его голову к себе на колени и открыла книгу.

* * *

Во вторник Наташа осталась дома: у Сони была поздняя тренировка, Егор вспомнил про доклад в девять вечера, стиральная машина снова не сливала воду. Константин не приехал. Позвонил в половине одиннадцатого, выслушал рассказ о фильтре, который Наташа чистила отвёрткой, и предложил мастера.

До звонка Наташа успела трижды перечитать Егоров текст про космические аппараты. В первом варианте ракета «преодолела притяжение благодаря смелости», во втором появилась

формула, которую сын не мог объяснить. Они оставили смелость в устном рассказе, а на слайде написали про тягу двигателя.

Соня вернулась промокшая, бросила форму в корзину и через минуту обнаружила, что машина остановилась с водой. Наташа расстелила вокруг старые полотенца, открыла нижнюю крышку и подставила таз. Вода всё равно пошла по плитке. Егор держал фонарик, светил то в фильтр, то маме в глаза и читал доклад вслух, чтобы не терять время.

Когда насос наконец загудел, все трое замолчали и слушали. Барабан сделал один оборот, второй. Соня подняла с пола мокрую форму и спросила, можно ли теперь стирать. Наташа посмотрела на лужу и велела пока сушить феном.

— Уже работает, — ответила она на предложение прислать мастера.

— Ты полезла в стиральную машину сама?

— Я открыла фильтр.

— Там была вода.

— Теперь её нет.

Он выдохнул.

— Когда-нибудь ты позволишь мне решить хотя бы одну бытовую проблему?

— Шкаф уже решил.

— Нужен новый.

— Не начинай.

— Молчу.

На экране появилась кухня Кости. Он поставил телефон возле чайника и открыл холодильник.

— Что ты ищешь?

— Ужин.

— На второй полке контейнер.

— Откуда ты знаешь?

— Я его туда поставила.

Константин достал контейнер, показал ей через камеру.

— Этот?

— Да. Сними крышку перед микроволновкой.

— Я умею греть еду.

— Ты ставишь фольгу в микроволновку.

— Один раз.

Наташа сидела на полу ванной, вытирая остатки воды возле фильтра. Телефон стоял на перевёрнутом тазу. Из комнаты Егор спрашивал, где взять новый лист ватмана, Соня сушила форму феном.

Костя ел у себя на кухне и смотрел, как Наташа отжимает тряпку.

— Положи полотенце под машину.

— Уже.

— Завтра пришлю мастера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.